

18+

Семён Ходоров

Иосиф и Сталина

Семён Ходоров
Иосиф и Сталина

«Издательские решения»

Ходоров С.

Иосиф и Сталина / С. Ходоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512991-8

В день смерти Сталина в семье доктора Перельман родились тройняшки. Двоих их них, брата и сестру, назвали по имени и фамилии советского вождя: Иосифом и Сталиной. У каждого из них присутствует свой неповторимый, порой сложный и скорбный, а иногда непритязательный и радостный маршрут собственной биографии. Так сложилось, что она начинается в приволжском городе Казани, а своё 55-летие они празднуют: Иосиф в американском Бостоне, а Сталина в небошльшом израильском городке вблизи Тель-Авива.

ISBN 978-5-00-512991-8

© Ходоров С.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Часть 2	30
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	44
Глава 7	50
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Иосиф и Сталина

Семён Ходоров

Эта книга не была бы написана без поддержки и советов моего друга Геннадия Шлаина, которому приношу глубочайшую благодарность.

Все имена и фамилии, названные в этой книге, являются вымышленными, а любые совпадения – случайными.
2020

© Семён Ходоров, 2020

ISBN 978-5-0051-2991-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Рождение династии

Глава 1 Две шестёрки

Это неординарный день начался с двух отсчётных «шестёрок» времени. 6 марта ровно в 6 утра Марка разбудила мелодия гимна Советского Союза, как всегда, в это время, назойливо звучащего из радиоточки, называемой в народе «брехунчиком». После его исполнения радио неожиданно заговорило узнаваемым голосом легендарного диктора Юрия Борисовича Левитана, за голову которого Гитлер во время войны назначил награду 250 тысяч марок. На самом деле диктор был не Юрием и не Борисовичем, а имел еврейское имя Юдка с не менее еврейским отчеством Берковичем. По окончанию гимна уже упомянутый Юдка Беркович своим, в котором слышалась тревога и скорбь, выразительным голосом чеканил:

– 5 марта 1953 года в 9 часов 50 минут вечера после тяжёлой болезни скончался Председатель Совета Министров СССР и секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии СССР Иосиф Виссарионович Сталин.

У Марка как-то сразу перехватило дыхание, а руки и ноги сковал, неведомый ранее, спазм. В голове же пульсировала только одна мысль:

– Что же теперь будет с нами? Как мы без него? Как жить дальше?

Он выглянул в приоткрытое окно. Порыв холодного ветра с Волги пронзил нагревшееся во время сна тело и вывел его из оцепенения. Неожиданно в окно трусливо ворвались первые, уже весенние, блики восходящего солнца.

– Чёрт побери, – подумал про себя Марк, – что-то неладное происходит в природе. Ведь умер вождь мирового пролетариата, отец всех народов. По всем канонам коммунистического бытия солнце должно закатиться и долгое время не появляться на голубом, как сегодня, небосклоне.

Но наяву получалось, что, вопреки произошедшему, земля продолжала вращаться как вокруг солнца, так и вокруг своей оси. А ещё получалось, что незадолго до смерти вождя девяти видным врачам (из них шестеро были евреями) было представлено обвинение в заговоре с целью отравить и убить советское руководство. Аресты невинных врачей разрастались, как снежный ком. В результате вождь остался без прежних лечащих врачей и после того, как у него за три дня до смерти, случился инсульт, он оказался в изоляции без квалифицированной медицинской помощи.

В этот момент Марк Абрамович Перельман ещё не понимал, что главным создателем сценария, так называемого «дела врачей», как раз и являлся, ушедший вчера в мир иной, «хозяин Кремля». Он не ведал, что, пришедший на смену вождя Хрущёв в своих воспоминаниях напишет, что, когда начались допросы 37 московских врачей, подавляющее число из которых были евреи, Сталин, неменяемый от злости, требовал от министра госбезопасности заковать арестованных врачей в цепи, превратить их в кровавое месиво и стереть в порошок. Не знал, что этих еврейских врачей пытали морально и физически, унижая их человеческое и профессиональное достоинство. Этот факт вызвал содрогание не только у евреев. Тон, которым предвзято и лживо клеймила позором ни в чём невинных врачей советская газета «Правда», вызвал серьёзную тревогу во всём мире. Та же неправдивая «Правда» ни одним словом не обмолви-

лась, что практически все мировые державы были обеспокоены судьбой арестованных и их будущим. Во всём мире сообщения советских газет по делу врачей воспринимались, как ложь от начала до конца.

Понятно, что Марк Абрамович не был информирован обо всём этом. Зато он точно знал, что только в Казани были уволены более полусотни врачей еврейской национальности. Сколько медицинских работников лишились работы по нерушимому СССР было известно самому Всевышнему и, возможно, усопшему вождю, который имел статус Небожителя, только не в небесах, а на территории необъятной страны Советов. Не миновала эта участь как доктора Перельмана, который работал хирургом в городской больнице, так и его жену Соню, медсестру терапевтического отделения. Уже полгода они, не имея постоянного заработка, перебивались, если и не с хлеба на воду, то с рисовой или перловой каши на чай с одним кусочком сахара в большую эмалированную кружку. И это при том, что Соня была на последнем месяце беременности и с трудом передвигалась со своим огромным животом, нависающим поперёк её худосочной фигуры. Вместо витаминов и положительных эмоций, рекомендованных гинекологом, Соня иногда получала от мужа, неизвестно где раздобытую, мандаринку и постоянный стресс в подарок от товарища Сталина.

Так уж складывается в повседневном бытии, что жизнь и смерть всегда шествуют рядом, ничего при этом не зная друг о друге. Вот и текущий день, зашифрованный кодом «двух шестёрок», параллельно с безвременной, как тогда казалось, утратой парадоксально любимого вождя, ознаменовался симптомами зарождения новой жизни. Порукой тому были протяжные стоны, нежданно ворвавшиеся в кухню из угла, отгороженного от остального 10-метрового пространства их коммунальной квартиры розовой ширмой. Этот угол, с трудом вмещающий их старомодную панцирную кровать, Соня в шутку называла будуаром. И это, несмотря на то, что тут даже отдалённо ничего не напоминало королевские покои. Когда Марк отдернул ширму, его взгляду предстала красивая женщина с растрёпанными волосами и большими голубоватыми глазами, в которых читался испуг и ужас перед тем, что должно было произойти. Соня судорожно схватила его за руку и, отдернув одеяло, шёпотом, будто в комнате находился некто посторонний, проговорила ему на ухо:

– Марик, милый, посмотри, у меня сильно болит живот и, кажется, отошли воды.

Марик был врачом, и ему не надо было объяснять природу тёмного мокрого пятна, которое он увидел на белоснежной простыне. Он знал, что это начали отходить околоплодные воды, являющиеся предвестником предстоящих родов. Поцеловав жене дрожащие руки, он стремительно выбежал в стрелоподобный коридор, в который выходили, поблёкшие красноватой краской, двери остальных восьми квартир. Несмотря на раннее утро, висевший на стене старомодный, ещё ленинских времён, телефонный аппарат был занят. Красномордый сантехник Васька, не стесняясь, высыпавших в коридор по поводу левитановского траурного сообщения взволнованных соседей, залихватски кричал в телефонную трубку:

– Представляешь, Толян, усатого кондрашка хватила, вчера откинул копыта. Надо немедленно выпить за упокой. Я видел вчера вечером, что у тебя осталась четвертушка. Неси сюда, оприходуем, закуска за мной.

Марк, не дожидаясь пока, разящий вчерашним перегаром, Васька закончит свою тираду, выхватил у него трубку и нажал на рычаг отбоя разговора. Не обращая внимания на его истошный вскрик:

– Граждане хорошие, посмотрите, что делается, евреи русских быют, – Марк быстро набрал 03 – номер скорой помощи и, судорожно произнеся свой адрес проживания, тревожно добавил:

– Приезжайте, ради бога, побыстрее, жена с минуты на минуту должна родить.

Он не слышал, как Васька негромко, но так, чтобы его слова долетели до ушей соседей, яростно кричал ему вдогонку:

– Вы видели, что этот жидок пархатый сделал, не дал мне закончить важный разговор.

Протрезвившийся сантехник уже забыл, как этот самый пархатый врач в прошлом году буквально вытащил его из небытия, сделав операцию по удалению остро воспалённого жёлчного пузыря. Зато Васька, несмотря на то, что никогда в жизни не читал газету «Правда», хорошо усвоил, что всех врачей-евреев надобно клеймить позором и отправить в тюрьму, из которой он сам по амнистии освобождён всего два года назад.

Прошёл час, но скорая помощь почему-то не приезжала. Роддом находился на расстоянии менее километра от дома, где жила семья Перельман. Марк оценивающе взглянул на уже одетую и готовую к перевозке жену и тут же, накинув на неё незастёгивающее пальто, решительно проговорил:

– Сонечка! Всё будет хорошо! Вперёд и с песней! Сделаем с тобой марш-бросок к месту, где появится наш долгожданный ребёнок.

Ребёнок действительно был долгожданный. Его зачатие начиналось сразу после свадьбы, которая скромно отмечалась через год после окончания войны в общежитии института, где учился Марк. Шесть лет непрерывной любви к великому огорчению молодой семьи не привели к рождению первенца. Так сложилось, что бабушка Марка, Малка Ицковна, несмотря на то, что уже разменяла восьмой десяток своей жизни, находила в себе силы каждое утро посещать синагогу, которая, к счастью, находилась напротив её дома. Советская власть закрывает эту синагогу уже после её смерти в 1967 году в честь победоносной Шестидневной войны, проведённой Израилем против арабских агрессоров. В этом, совсем не похожем на православный или католический, храме бабушка ежедневно, на протяжении шести лет, усердно просила Всевышнего наградить её правнуками. Сегодня Создатель услышал её вожделенную просьбу. Доказательством тому было то, что Марк назвал марш-броском к роддому.

В небе поспешно догорали последние звёздочки, в восточной его части уже угадывались розоватые блики утренней зорьки, а последние, наверное, в этом году бесшумные снежинки покрывали следы, остающиеся от медленных шагов Марка и Сони. Они без особых проблем добрались до городского роддома. Однако его массивные входные двери оказались закрытыми. Марку потребовалось несколько минут, чтобы отыскать в их верхнем углу маленькую, едва заметную кнопку звонка. На неё пришлось нажимать четверть часа прежде, чем появилась дородная женщина в белом халате. Едва взглянув на направление из женской консультации и на, выпирающий из под пальто, живот, она пропустила Соню и мгновенно захлопнула дверь перед огороженным Марком. Он же, не сдерживая себя от нахлынувшего гнева, яростно забарабанил в дубовые двери, выкрикивая:

– Будьте человеком! Пустите меня на минуту. Я – врач. Дайте, пожалуйста, жене два слова сказать.

Однако, служительница акушерского культа, приоткрыв на одно мгновение тяжеленую дверь, грозно проговорила:

– Мужчинам любой профессии и любого вероисповедования вход в женский монастырь строго запрещён.

Взволнованный Марк так и не понял, какое отношение роддом имеет к религии вообще и к монастырю в частности. В то же время он знал, что в Советском Союзе переступать порог роддома ногой, которая принадлежит худшей половине человечества, находилось под запретом, если и не уставом Коммунистической партии, то уж точно указом всезнающего и опасливого Минздрава.

Благодаря этому заботливому здравоохранному министерству, Марк не мог знать, что острые приступообразные боли, которые окутали буквально всё тело его Сонечки, вдруг перешли в спазмирование мышц в том месте, откуда должен был появиться ребёнок. Только, когда в этом самом месте появилась кровь, она осмелилась позвать врача. Молодой акушер, кото-

рый, как потом выяснилось, оказался интерном, проходящим стажировку в больнице, осмотрев Соню, распорядился немедленно везти её в родильный зал, растерянно вымолвив при этом:

– Не волнуйтесь, пожалуйста, всё хорошо, просто пришло время освободиться от бремени.

Не на шутку испуганная Соня хотела было сказать, что ей бы акушера женщину, а не мужчину, тем более такого молодого и, наверное, неопытного. Но её буквально через несколько минут водрузили на каталку и повезли в зал, где дети из чрева матери появляются на свет божий. Однако похоже, что первенец Сони не очень торопился в этот безумный мир. Интерн всё время находился возле неё, периодически заглядывая в то место, куда другим мужчинам смотреть не позволялось. Время тянулось мучительно долго, боли нарастали, а начинающий акушер, казалось, только и делал, что разглядывал гениталии роженицы. Просто счастье, что проходящая мимо медсестра решила тоже посмотреть, что делается между ног у Сони. После осмотра она всплеснула руками и, повернувшись к акушеру, воскликнула:

– Чего же вы ждёте, роды уже начались, вот и головка уже появилась.

Пока нерасторопный интерн одевал стерильные перчатки, Сонин первенец уже почти вышел из материнского лона. Акушер принял его и тут же передал медсестре, успев радостно воскликнуть:

– Поздравляю! Нашего полку прибыло! У вас прелестный мальчик!

При этом он снова заглянул в место, откуда буквально выпрыгнул ребёнок. При этом глаза его округлились, ему показалось, что к выходу готовится ещё один ребёнок. Он нервно всплеснул руками и, повернувшись к медсестре, прошептал:

– Танечка! Посмотри, пожалуйста, мне кажется там ещё кто-то есть.

Танечке понадобилось десять секунд, чтобы понять, что на волю просится ещё один ребёнок. Теперь уже она всплеснула руками, которыми искусно вызволила из материнских недр братика первенца, воскликнув при этом:

– Вот теперь ваш полк, Сонечка сформирован полностью.

Наблюдавшая Соню в поликлинике гинеколог говорила ей о возможности рождения близнецов, отмечая при этом, что вероятность такого события не более двадцати процентов. Но оказалось, что медицина – это не математика и что просящиеся на свет младенцы появляются отнюдь не по законам точных наук. Соня несказанно обрадовалась незапланированному появлению двойняшек. В то же время её внезапно охватило трепетное чувство тревоги. Она судорожно соображала, на какие средства они с Марком будут растить их в микроскопической коммуналке, когда они оба лишились работы. Однако наложенное на эйфорию чувство беспокойства внезапно перебила гнетущая острая боль в области живота. Соня, слабым от изнеможения голосом, с трудом преодолевая колики и резь, пожаловалась акушеру:

– Что-то мне очень плохо, доктор. Очень сильные боли.

Интерн сочувственно улыбнулся и весело прочиркал:

– Успокойтесь, милая. Всё уже позади. У вас не было разрывов. Роды были просто академические, прямо, как в учебнике пишут. Не должно болеть.

Но, когда Соня стала неистово издавать протяжные стоны, молодой акушер, приподняв простынь, в очередной раз заглянул в её промежность. В тот же момент он отпрянул от роженицы, как будто его ударило током. Сил его хватило только на то, чтобы выкрикнуть медсестре:

– Таня! Немедленно позовите Наталью Николаевну! У нас аварийная ситуация.

Просто счастье, что Наталья Николаевна Тараканова, заведующая родильным отделением, врач с 30-летним опытом в этот ранний час уже была на работе. Буквально через несколько минут, на ходу натягивая на себя халат, она ворвалась в родильный зал и ринулась к, ничего не понимающей, корчащейся от боли и не на шутку перепуганной, Соне.

Молниеносно осмотрев её, она облегчённо улыбнулась и скороговоркой вымолвила:

– Не понимаю, зачем вы меня вызвали в таком пожарном порядке. У нас такие аварии происходят каждый день. Разве не видно, что вот-вот появится ребёнок. Всё идёт нормально, без каких-либо патологий. Раз я уже здесь, то лично приму эти роды.

– Но, Наталья Николаевна, – почти в унисон выкрикнули акушер и медсестра, – это уже третий по счёту ребёнок.

– Как третий, – удивилась она, растерянно поглядывая на двух новорождённых младенцев, лежащих рядышком на пеленальном столике, – у нас в роддоме ещё такого праздника не было.

Буквально через десять минут у Натальи Николаевны в руках трепыхалась красивая девочка с редкими белесыми волосиками на маленькой головке. Она повернула её лицом к Соне и торжественно произнесла:

– Ну вот, любезная, всё закончилось. Посмотри, какая красавица. Да и братики её – бойцы, один краше другого. Я не предсказательница, но уверяю тебя, что у твоих детей сложится неординарная жизнь. Они будут талантливыми и успешными.

В этот момент Наталья Николаевна и не подозревала, что её слова окажутся более чем пророческими. Сейчас же она резко отвернулась от родового кресла и, увидев перед собой взволнованного интерна, тут же приказала:

– А ты что здесь делаешь? Немедленно беги за фотоаппаратом. Надо запечатлеть этих троих красавчиков. Это ведь событие не только для нашего роддома, а и для всего города.

В это время взволнованный Марк маялся в неотопливаемом предбаннике роддома в ожидании желанной маленькой девочки. Он и сам не знал, почему хотел именно доченьку, красивую, нежную и милую девочку, а не, как большинство мужчин, сына, с которым можно будет играть в футбол, ходить на рыбалку и водить на занятия в секцию бокса. Может быть потому, что мечтал увидеть в своей наследнице такую же очаровательную блондинку, как и его Сонечку, которую любил больше своей собственной жизни. Что же касается малыша мужского пола, то он присутствовал в планах Марка, но по прошествии некоторого времени после рождения дочки. При условии, разумеется, если на это будет божья воля, в которую он, в силу своего атеистического воспитания, не очень-то и верил. В полном соответствии с этим воспитанием он не знал, что ещё в Священном Писании было начертано: «Много замыслов в сердце человека, но состоится только определённое Господом ибо человек предполагает, а Бог располагает».

Так оно и вышло в реальности, когда распахнулась дверь, отделяющая комнату ожидания будущих отцов от запретной зоны, в которой находились их жёны. Из неё выпорхнула милотвидная медсестричка со списком в руках и чуть ли не по слогам стала читать:

– Первухин – мальчик – 2800, Малышев – девочка – 3100, Яценко – девочка – 3300, Некрасов – мальчик – 3600, Перельман...

Назвав фамилию Марка, медсестра почему-то сделала паузу, окинула взглядом настороженных мужчин и ликующим голосом спросила:

– Присутствует здесь товарищ Перельман?

– Да, я здесь, – тревожно отозвался Марк, предчувствуя что-то недоброе.

Даже в самых невероятных и мифических снах своих ему не грезилось, что сейчас скажет медсестра. Она же не сказала, а просто издала что-то похожее на вопль и проголосила:

– Товарищи! Прошу вас, поздравьте своего коллегу, отца-героя. У него родилось сразу трое детей: два прекрасных мальчика и обворожительная девочка.

Однако, два десятка товарищей не знали, кто из них является Перельманом. А узнали, когда у одного из них подкосились ноги, и он, наверняка бы, рухнул на керамический пол, если бы его не подхватил, вовремя подбежавший военный с капитанскими погонами. Перед тем, как на какое-то мгновение помутилось сознание, Марк всё-таки успел утешительно про-бормотать самому себе:

– Девочка родилась! Спасибо, Сонечка!

Окончательно он пришёл в себя только после того, как капитан влил в его уста неразведённый спирт из неизвестно откуда взявшейся солдатской фляги. И только тогда до его слуха донеслись выкрики:

– Гип, гип, ура! Гип, гип, ура! Да здравствует Перельман!

Марк не понимал, что происходит с ним: он всё-таки в последний год войны, взяв академический отпуск в институте, побывал в качестве санитаря на фронте. Уже два года проводил непростые полостные хирургические операции, и при этом никогда не терял самообладание. А тут чуть было чувств не лишился. Он стоял перед толпой ликующих мужиков, не зная куда девать слегка подрагивающие руки, пока улыбчивая медсестра не вложила в них записку от Сони. На клетчатой вырванной из школьной тетради бумаге неровным почерком было написано всего шесть предложений:

«Марик, дорогой! У нас НЕВООБРАЗИМАЯ и СНОГСШИБАТЕЛЬНАЯ радость! Родились трое замечательных детей. Не представляю, как будем жить дальше, но надеюсь, что с твоей и с Божьей помощью мы справимся. Я чувствую себя сносно. Целую, обнимаю и люблю!»

Марк тут же обратил внимание на слова, выписанные заглавными буквами. Радость, действительно, была сногсшибательной, поскольку её убойная сила едва удержала его на ногах. То, что касается невообразимости произошедшего, так ещё несколько минут назад он и представить себе не мог, что, даже не в одночасье, а в течение нескольких секунд станет отцом сразу троих детей. На самом деле, даже сейчас, когда казалось, что несколько граммов чистого спирта привели его в исходное состояние, он продолжал ощущать именно невообразимость и сногсшибательность этого волнующего момента.

Благодаря, горящейся этим событием, заведующей роддомом, уже на следующий день областная газета «Советская Татария» с броским заголовком «Бог троицу любит» поместит статью о новорождённых детях. Оперативность советской периодики была настолько молниеносной, что Марк увидел своих детей сначала на фотографии на первой полосе газеты и лишь только через несколько дней наяву. Он даже не удосужился обратить внимание на то, что в статье отец тройняшек был представлен как Марк Перельманов, а не Перельман. Похоже, что это не было опечаткой, просто печатному органу крайкома КПСС по известным причинам удобнее было представить виновника торжества фамилией с окончанием «ов», а не «ман». Но эта мнимая оплошность власти ею же и компенсировалась в виде элитарного подарка молодой семье. В статье курсивом было выделено, что *«впервые врачами городского роддома были выведены из лона матери тройняшки: два мальчика и девочка с весом соответственно 2150, 2000 и 1850 грамм. Здоровье новорождённых соответствует норме. Принимая во внимание это необычное событие, Казанский горсовет принял решение выделить семье новорождённых трёхкомнатную квартиру»*.

Сначала Марку казалось невероятным стремительное рождение тройняшек. Потом та самая власть, которая лишила его и жену постоянной работы, делает им фантастический подарок в виде, нет, нет, совсем не коммунальной, а изолированной квартиры. Но и это было ещё не всё. Через месяц после рождения детей советские люди узнали, что знаменитое «дело врачей-убийц» было сфальсифицировано и все арестованные по этому делу были освобождены. Буквально на следующий день после опубликования этого в газете «Правда» Марк Абрамович Перельман был восстановлен в должности врача-хирурга с соответствующими извинениями и компенсационными выплатами.

Единственное, что в это непростое время огорчило Марка, так это рассказ Сони по выходу из больницы. Она рассказала, что в роддоме её посетила незнакомая женщина, которая оказалась инструктором крайкома партии. Поздравив молодую мать, она в конце беседы настойчиво посоветовала ей назвать дочку Сталиной в честь умершего вождя. Совет этот как

по форме его подачи, так и по раскрытому далее содержанию выглядел не иначе, как приказом вышестоящего органа. Суть его можно было озаглавить, как «имя – в обмен на новую квартиру».

– И что ты ответила ей, дорогая, – с дрожью в голосе спросил Марк.

– Соврала, что муж хочет назвать свою дочку именем своей покойной матери Броня, – плаксиво протянула Соня.

– Я и в самом деле мечтал об этом, – вздохнул он, обнимая жену, – но что будем делать с обещанной квартирой, ведь ты понимаешь, что это подарок судьбы. Второго такого случая не предвидится, ведь не собираемся мы через год рожать ещё тройняшек.

– Но неужели ты хочешь, – выдавила сквозь слёзы Соня, – чтобы твою дочку величали Сталиной Марковной.

– Сонечка, милая, – не на шутку разволновался Марк, – неужели ты забыла, что с властью, особенно советской, шутить нельзя. Придётся сдаться ей на милость. На сегодняшний день квартира важнее. Чтобы быть окончательно уверенными, что мы получим её, одного из сыновей назовём уже не по фамилии, а ещё и по имени вождя. В конце концов, оно имеет еврейские корни, а с другой стороны, так звали моего деда.

Буквально через день после регистрации новорождённых детей, которых назвали Иосиф, Ефим и Сталина, теперь уже в одной из центральных газет СССР появилась заметка, что в Казани двоих из новорождённых тройняшек назвали в честь умершего и в тоже время вечно живого «отца всех народов». А ещё через день Марка вызвали в горсовет и торжественно вручили ордер на трёхкомнатную квартиру, расположенную в одном из старых, но добротных домов Казани.

Глава 2

Здоровенькие и удачливые

Должно быть Всевышний на самом деле любил троицу, но, надо полагать, если речь шла о детях, то обожал он их чисто платонически. Потому, как наяву его духовная влюблённость обратилась в тяжёлую изнурительную работу по уходу за младенцами. Бесценный груз, завёрнутый в три белоснежных пододеяльника, обвязанных соответственно двумя синими и одной красной лентами, озабоченные, но счастливые родители внесли в уже новую квартиру. Им казалось, что с этой минуты их будет окутывать безмолвная и одухотворённая идиллия. И в самом деле, какое-то время в квартире стояла, чуть даже пугающая, тишина. Когда же драгоценные свёртки были распакованы, то мальчишечки, как и подобает будущим мужчинам, в полном молчании, не без должного любопытства, устремили свой взгляд на светящийся абажур, нависающий над ними. А вот крошечная белокурая Сталина, желая, наверное, поближе познакомиться с отцом, громко и задиристо закричала во всё своё маленькое горлышко, издавая в своём весёлом крике преимущественно звук «ля». С этой роковой минуты ля-нотоносные рулады прекращались, разве что, с перерывами на сон. Ни Марк, ни Соня ни на минуту не сомневались, что их дочке обеспечена карьера солистки оперного театра.

С рождением тройняшек Марку приходилось брать ночные дежурства, которые редко обходились без работы в операционной. Когда же утром, валясь с ног, он чуть ли не приползал домой в надежде перейти из изнеможённого вертикального положения в расслабленное горизонтальное, он видел перед собой помятое от бессонницы бледное лицо Сони. Тусклый взгляд её голубых глаз отражал лишь невероятную усталость. Радость появления новорождённых постепенно сменилась суетливой поступью хлопотливых буден. Вместо того, чтобы после возвращения с работы плюхнуться в постель, Марк напрягал, неизвестно откуда взявшиеся, силы и заставлял себя пройти в ванную комнату. Обстановка этой крошечной каморки, где надлежало совершать гигиенические процедуры, сейчас больше напоминало участок банно-прачечного комбината. В то счастливое время советским детям равно, как и их родителям, ещё не ведомо было, что в мире существуют очень удобные одноразовые впитывающие подгузники, называемыми незнакомым словом «памперс». Вместо них по уходу за младенцами использовались пелёнки, представляющие собой метровый отрез полотняной ткани. В них ребёнок закупоривался чуть ли не герметично так, чтобы ручки, ножки, грудь и спинка были плотно стянуты этой тканью. Пелёнки эти, в отличие от памперсов, были бесконечно много-разового использования. Разумеется, их надо было ежедневно вываривать и стирать. Для этой цели возле проржавевшего остова небольшой ванны сиротливо громоздились три немаленькие лохани, которые до краёв были наполнены пелёнками, от которых исходил устойчивый, далеко не ароматный, запах. Около пяти десятков таких аксессуаров Марку предстояло простирнуть. Нетягостное звучание этого слова наяву предполагало весьма нелёгкий технологический процесс. Во-первых, дом, где проживали Перельманы, не был газифицирован. По этой причине даже еда готовилась на допотопной плите с использованием дров и угля. Понятно, что и воду в ванной комнате подогреть было нечем. Но и это ещё не всё. Вода в дом, это уже во-вторых, подавалась строго по расписанию: с 7 до 9 утра и с 18 до 20 вечера. Этой воды едва хватало, чтобы кое как помыть маленьких грудничков. Поэтому, воду для стирки (и это в большом городе) приходилось набирать в гидрантной колонке, расположенной в 100 метрах от дома. Помывочные процедуры для себя Марку и Соне, как и подавляющему числу горожан, приходилось проводить в общественных банях, которые они традиционно поочерёдно посещали раз в неделю по субботним вечерам. Исходя из отмеченного, Марком был разработан технологический процесс чистки детских пелёнок, распашонок, марлевых подгузников и ползунков от накопившихся фекалий, который предусматривал: несколько ходок с тяжёлыми ведрами

за водой к колонке, перелив воды из вёдер в огромные 10-литровые баняки, нагрев воды в этих баняках на архаичных крестьянских плитах, собственно стирка, со строгим использованием только хозяйственного мыла, сушку постиранного путём, придуманного Марком, приспособления, а также глажку огромным чугунным утюгом. Поскольку объектов для провешивания было много, а места мало, то умный Марк развесил по всей длине ванны две верёвки, между которыми прикрутил уже маленькие бечёвки по её ширине. Таким образом, место для сушки значительно расширилось. Поистине, голь на выдумки хитра,

Самое интересное заключалось не столько в разработанной технологии, сколько в устойчивой непрерывности самого процесса. Вот и сейчас, когда вконец обессиленный Марк закончил трёхчасовую работу и мечтал, даже не поспать, а просто выкурить вожаделенную сигарету, Соня, с виновато опущенными глазами, принесла новую порцию для стирки. Круговорот постирушки в природе тяготел к своему непрерывному повторению, циклично уменьшая количество выкуранных сигарет и гипотетически увеличивая, таким образом, продолжительность жизни доктора Марка Перельмана. Несмотря на это, он всё-таки раскрыл пачку любимого «Беломорканала», намереваясь вытащить папироску. Но уберечь его прокуренные лёгкие решила своим внезапным появлением бабушка Малка, в дрожащих руках которой Марк увидел два очередных таза детского бельишка. Раскрытая пачка папирос выпала из рук вконец расстроенного хирурга. У него непроизвольно вырвалось:

– Бабушка, милая! Когда же это, наконец, закончится? Не то, что вздремнуть часок, а даже покурить не могу.

– Марик, дорогой, – прижала палец к губам бабуля, будто скрывая какую-то важную новость, – да ты и оглянуться не успеешь, как дети вырастут. Время движется вперёд намного быстрее, чем нам хотелось бы. Трудности забудутся быстро, сами по себе. Так что старайся беречь в памяти самые значимые и приятные моменты в развитии своих младенцев.

В справедливости слов многоопытной старушки Марку предстояло убедиться лишь через несколько десятков лет. Пока же из кухни послышался жалобный голосок Сони:

– Марик! Ты не забыл, что подошло время гулять с малышами

Многодетный отец знал, что за этой малозначащей фразой скрывался глубокий только ему ведомый смысл. В то трудное для цивилизованной жизни послевоенное время отечественная промышленность не выпускала колясок для троих маленьких пассажиров. Просто счастье, что сосед, работавший столяром на деревообрабатывающей фабрике, в качестве подарка соорудил громоздкую повозку, с трудом вмещающую трёх младенцев. Перегородок в этом транспортном средстве не было, и поэтому тройняшки чувствовали себя в ней, как жильцы в коммуналке на общей кухне. Сама по себе коляска была достаточно тяжёлой. Когда же она загружалась маленькими пассажирами, в роли самобытного рикши могла выступать только мужская сила, принадлежащая их отцу. Повозка этой самодельной конструкции была неустойчивой, слабо манёвренной и на любом повороте могла опрокинуться. Поэтому, при транспортировке детей следовало соблюдать особую осторожность. За долгие месяцы этим искусством Марк овладел в совершенстве. Поэтому, вывозить детей на свежий воздух мог только он. Когда же ему приходилось задерживаться на какой-либо операции до конца светового дня, то Марк вывозил детей гулять даже при наступлении темноты.

Сегодня же тройняшкам повезло, их ежеминутно зевающий папа вышел с ними на прогулку, когда блики солнечного света ласково касались их симпатичных мордашек. По возвращении домой Соня, стараясь не смотреть в глаза измотанному супругу, с трудом вымолвила:

– Извини, Марик, что напоминаю, но наступило время купать детей.

Сказанное означало, что Марк снова должен набрать из колонки несколько вёдер воды, нагреть её, поочередно (три раза) заполнить водой жёлтую пластмассовую ванночку и затем охладить её точно до температуры 36 градусов. Всё это занимало не менее полутора часа по времени и отнимало неизмеренное количество жизненной энергии.

Титаническая непрерывная домашняя работа Марка рано или поздно должна была привести к какому-нибудь непредвиденному коллапсу. Сбой произошёл ночью в операционной. Марк проводил удаление небольшой опухоли на почке у молодой женщины. После того, как анестезиолог ввёл наркоз, доктор Перельман начал операцию привычным разрезом вдоль срединной линии живота. Затем, перекрыв почечную артерию, он начал проводить резекцию опухоли. Вдруг закружилась голова и он не мог припомнить, куда поставил зажим несколько минут назад. Скальпель выпал из рук (хорошо, что не в открытую полость живота, а на пол), глаза мгновенно слиплись и он практически погрузился в сон, облокотившись на грань операционного стола. Звук, выпавшего из рук хирурга скальпеля, одновременно услышали врач, обеспечивающий безболезненность операции и медсестра, ассистирующая Марку. Анестезиолог Валерий Беляев молниеносно оценил создавшуюся ситуацию и, не имея права покидать свой пост у изголовья оперируемой, тут же приказал медсестре:

– Дашенька, немедленно налей стакан холодной воды и быстро напои Марка.

После такого мгновенного и вовремя произведённого охлаждения хирург моментально пришёл в исходное состояние и успешно завершил операцию. Счастье, что как Валерий, так и Даша были, если и не закадычными друзьями, то находились с ним в искренних товарищеских отношениях. По этой причине сообщение о чрезвычайном происшествии в операционной, которое могло закончиться и более плачевно, не дошло до ушей начальства. В противном случае, Марк был бы безоговорочно уволен из больницы с «волчьим билетом» лишения права работать в медицинских учреждениях. Это стало бы не только крахом его медицинской карьеры, а просто катастрофой для всей дальнейшей жизни. Пытаясь не беречь, утерянный после рождения детей, покой Сони, он счёл нужным ничего не рассказывать ей о происшедшем. В то же время во избежание повтора подобного рецидива, он притащил в больницу раскладушку, поместив её в, пустующую ночью, бельевую комнату. Там Марк позволял себе окунуться в царство Морфея, решив перед ночной сменой приходить на работу на три часа раньше.

Постепенно Марк и Соня адаптировались к произошедшим кардинальным изменениям своего жизненного уклада. Время в соответствии с законами существования мира продолжало незаметно двигаться вперёд, а дети, сообразно уже законам природы, вполне заметно увеличивали свои параметры веса и роста. В ежедневной суете сует, разрываясь между ответственной работой оперирующего хирурга и не менее важным трудом по уходу за детьми, Марк не заметил, как наступило 6 марта 1954 года – день когда исполнился первый год пребывания его тройняшек на этой планете. В этот день у него не было ночного дежурства, и он вернулся домой раньше обычного. Он не сразу увидел, что на столе дымились картошка в мундирах, обрамлённая по бокам кусочками маринованной селёдки и кружками дорогой копчённой колбасы. Фон этих недешёвых яств украшала позолоченная обёртка бутылки яблочного сидра. Уставший Марк не обратил внимания и на то, что детки были одеты чуть наряднее, чем всегда. Вместо темноватых тонов детской одежды он ползали по ковру в штанишках и распашонках ярких цветов. Когда улыбающаяся Соня попросила мужа откупорить бутылку и разлить её содержимое по гранённым стаканам, Марк встрепенулся и, словно отходя от замороженного состояния, невнятно спросил:

– А собственно по какому такому поводу такой банкет? Сегодня, вроде бы, не 1 Мая и даже не 7 Ноября.

– Сегодня, милый, – рассмеялась Соня, – у нас более знаменательный праздник, чем день солидарности трудящихся и более величественный, чем день октябрьской революции.

– Разве так бывает? – задумчиво протянул Марк, недоумевающе глядя на жену.

– Ещё как бывает! – радостно воскликнула она, прильнув к мужу с высоко поднятым стаканом зажатым в руке, – выпьем, дорогой, за первый день рождения наших детей!

У непыющего Марка на глазах выступили далеко некупные мужские слёзы, он вдохновенно поцеловал Соню и, импульсивно схватив бутылку вместо стакана, осушил её почти до конца. Забыв про картошку с селёдкой, он бросился к детишкам, продолжающим хаотично передвигаться по полу. Хватая поочерёдно каждого из них на руки, он осыпал их поцелуями, взволнованно приговаривая:

– Надо же, дожили! Будьте здоровенькими и удачливыми, мои ненаглядные!

«Здоровенькие и удачливые» тем временем продолжали раскидывать простые резиновые и целлулоидные игрушки, которые Марк покупал им по сходной цене с каждой зарплатой. Выбор игрушек для досуга малышей в «Детском мире» был более чем ограничен. Однако малыши не очень-то и задумывались, почему при социалистическом устройстве их страны ощущается острая нехватка в необходимом и поэтому ничего не спрашивали. По правде говоря, не спрашивали ещё и потому, что в небогатом лексиконе каждого из них присутствовало только три слова: мама, папа и бяка. Причём последнее в их фразеологии почему-то доминировало. Возможно, младенцы догадывались, что в окружающем их мире плохого было больше, чем хорошего. Вот и сейчас, самый высокий из детишек, курносенький Фимочка, ни с того ни сего, едва дотянувшись до Сталины, ударил её по кудрявой головке деревянной лопаткой, не забыв при этом произнести магическое слово «Бяка». Сталинка была на три сантиметра ниже Ефима и, по этой веской причине, не могла дотянуться до братика, чтобы нанести ответный удар. Но, видимо, непреодолимое желание наказать обидчика было настолько велико, что она, напрягая все свои силёнки, привстала и, впервые в жизни сделав два шага вперёд, залепила Фиме что-то похожее на пощёчину. Похоже, что даже годовалый ребёнок догадывался, что на каждое действие должно быть своё противодействие. В детском понимании этот закон ретранслировался в понятие «как аукнется, так и откликнется». Отклик Ефима в его младенческом восприятии должен был быть симметричным. Поэтому, он, приложив заметные усилия, вытянулся во весь рост и, тоже впервые, прошёл, держась за стеночку, несколько метров вслед за уползающей сестрой. Иосиф в этот значимый момент занимался более важными делами: он с невозмутимым видом сидел на горшке, размышляя, очевидно, о бренности своего однолетнего бытия. Однако, увидев движущегося в вертикальном положении брата, он, бросив свой детский «унитазик» на произвол судьбы, стал медленно подниматься с помощью стоявшей рядом табуретки. А ещё через полминуты перед ошеломлёнными Марком и Соней открылась невиданная ранее картина: широко расставив маленькие ножки, держась за дверки платяного шкафа, как в почётном карауле, стояли, взирая на них, Ефим и Иосиф, а маленькая Сталина, цепляясь за их ползунки, уже приподнималась, чтобы встать между ними. В этот триумфальный момент изумлённый Марк подхватил улыбающуюся Соню на руки и закружил по комнате приговаривая:

– Дорогая, ты только посмотри, что делается. Разве это не чудо, разве это не феномен, что трое наших детей начали свои похождения по белу свету в один день!

– По сути даже не в один день и даже не в один час, – вторила ему, поражённая увиденным Соня, – а в течение нескольких минут. Символично, что это произошло в их день рождения. Разве такое бывает?

– Расскажешь кому-то, не поверят, – пафосно улыбался Марк.

– А вот и не смей никому рассказывать, – внезапно нахмурилась суеверная Соня, – а то, не дай Бог, ещё сглазят наших милых детишек.

В противовес своей жене, атеистично воспитанный Марк не верил ни в Бога, ни в чёрта и даже ни в кочергу, а слов «дурной глаз» и «порча» в его лексиконе просто не существовали. Поэтому, буквально на следующий день поделился радостью со своими коллегами. И надо же тому случиться, что по возвращению домой уже в дверях застал плачущую жену. Соня, вытирая слёзы подгузником детей, плаксиво полепетала:

– Марик, у нас беда. Я уже давно обратила внимание, что Фимочка не поворачивает голову. И вот сейчас, когда купала его, обнаружила гнойничок на шее. Что будем делать?

Марк мгновенно бросился к сынишке и, осмотрев его, подтвердил слова Сони об инфекционном гнойном абсцессе. Он привлёк к себе жену и бодрым голосом пророкотал:

– Ничего страшного. Надо просто удалить гной. Завтра завезём ребёночка в нашу больницу, и я лично его прооперирую.

Однако, всё оказалось не так просто. Оказывается по каким-то этическим или каким-то другим неписанным соображениям родители не имеют права оперировать своих родственников. Главврач больницы, где работал Марк, укоризненно посмотрел на него и голосом, не допускающим возражения, сказал:

– Я бы ещё мог закрыть глаза, что ты отец оперируемого. Но ты же знаешь, что наша клиника обслуживает только взрослых. Так что потрудись отвезти своего ребёнка в детскую больницу Охмадет (охрана материнства и детства).

При этом шеф Марка снял телефонную трубку и, быстро набрав нужный номер, пробасил:

– Илья Львович, дорогой! У меня просьба: необходимо срочно прооперировать ребёнка одного из моих лучших хирургов. Заранее благодарен, я твой должник.

Уже через неделю Соня с улыбающимся Фимочкой благополучно вернулись домой. Казалось бы всё позади, но нет. Буквально через два дня уже у Иосика определили дакриоцистит – непроходимость слёзного канала. Снова Охмадет, снова больничная палата, снова операционная. Но и на этот раз всё закончилось хорошо: мальчику успешно провели зондирование (прокол) глазного канала.

Но и на этом беды со здоровьем детей не кончились. Семью Перельман подстерегали ещё более трудные испытания. Продолжительное вирусное заболевание одновременно началось у мальчиков, которые по цепочке наградили им же свою сестричку. Если Фима и Иосиф довольно быстро выздоровели, то у Сталинки произошло осложнение болезни, результатом которой явился коклюш – чудовищное и злое заболевание, плохо переносимое маленькими детьми. Марк надолго запомнил надрывный лающий и громкий кашель своей милой доченьки, который не излечивался никакими лекарствами. Во время таких приступов, которые повторялись более полусотни раз в день, он не мог без содрогания смотреть, как синело лицо Сталины и выступали вены, как маленький язычок высывался изо рта и дыхание чуть ли не останавливалось. Так продолжалось около двух месяцев. Марк был известным врачом в медицинских кругах Казани. Чтобы вылечить Сталинку, он подключил все свои многочисленные связи. Одни врачи советовали поднять ребёнка на самолёте в воздух, другие – отправиться в горные районы с большим перепадом высот.

Горы в окрестностях Казани не просматривались даже вооружённым взглядом, но Марк безоговорочно верил рекомендациям опытных и знающих врачей. Поэтому он, не задумываясь, взял десятидневный отпуск, снял с сберкнижки деньги, которые целый год собирал на поездку с детьми на Чёрное море и отправился со Сталиной в аэропорт. Марк не был силён в географии, однако, изучив карту, определил, что ближайшим к Казани, если не принимать во внимание холмистые Жигули, горным массивом является Кавказ. Буквально через день он с дочерью прилетели в Минводы, а оттуда на автобусе добрались до Пятигорска. В течение десяти дней каждое утро он укладывал Сталинку в коляску и отправлялся с ней на известную гору Машук, вздымающую на высоту 994 метра. Поскольку сам город находился на высоте 500 метров, то перепад, преодолеваемый Марком, составлял полкилометра. С трудом переводя дыхание и вытирая носовым платком выступающий пот, он катил коляску по крутому серпантину тропы, уходящей к вершине. За одно гуляние он совершал 4–5 таких спусков и восхождений, чтобы достигать, как советовали врачи, ощутимой разности высот и давлений. Как известно, барометрическая ступень предполагает, что изменение высоты на 11 метров меняет атмосферное давление на 1 мм. Таким образом, Марку удавалось вклиниваться в 40-миллимет-

ровый перепад давления, рекомендуемый одним из казанских профессоров. Чудо-исцеление, прогнозируемое им, свершилось. К концу отпуска кашель значительно уменьшился, а через несколько дней после возвращения в Казань прекратился и Сталина выздоровела.

Но богу было угодно обрушить на Сталину, а значит и на её родителей, ещё одно испытание. В один из тёплых летних дней, сидя на корточках, она игралась в песочнице, ловко орудуя маленьким совком. Вдруг, ни с того, ни с сего, эта маленькая девчушка опрокинулась на спину, глазки её закатились, лицо посинело, а дыхание практически не прослушивалось. Марк мгновенно подхватил её на руки, положил на подвернувшуюся скамейку и начал осторожно делать искусственное дыхание. Лишь через несколько минут, которые показались ему вечностью, милый ребёнок открыл глаза и попросила свой игрушечный совок. Второй подобный приступ произошёл с ней в том же парке, когда Марк был на работе, а Соня сама гуляла с детьми. В этот раз сознание потеряла не только Сталина от спазма неизвестного происхождения, а и её мать от нервного срыва. Соня пришла в сознание раньше дочери и обнаружила, что держит её на руках и громко кричит, взывая о помощи. К ней подбежала какая-то дама и, заглянув в потухшие глаза ребёнка, тихо прошептала:

– Женщина, зачем вы трясёте девочку, вы что не видите, что она мертва.

К счастью, в окружившей Соню толпе, нашёлся какой-то кадровый офицер, который, выхватив Сталину из рук матери, как метеор, помчался к, первому попавшемуся на его пути, дому. Вбежав во двор, он плеснул в лицо малышки холодную воду из, неизвестно кем поданной, эмалированной кружки, после чего к девочке тут же вернулось сознание.

После этих двух случаев Марк понял, что дочку надо лечить. Он опять поднял на ноги лучших врачей города, но все они беспомощно разводили руками, затрудняясь поставить диагноз. Наконец, за лечение взялась женщина-профессор, заведующая кафедрой детской невропатологии Казанского мединститута. Немедленно назначили энцефалограмму – графическое изображение деятельности головного мозга. Для годовалого ребёнка закрепление хитроумных электродов в области головы оказалось совсем непростой процедурой. Но прошли и через это. В результате в головном мозге Сталины было обнаружено микроскопическое тёмное пятнышко. Вердикт профессора был не очень однозначным, она, под разными углами разглядывая энцефалограмму и вращая её в разные стороны, не очень уверенно произнесла:

– Это маленькое пятнышко может являться процедурным огрехом, так как, наверняка, ребёнок во время обследования плакал, кричал и двигался. Но, вполне возможно, здесь имеется небольшая патология нормального функционирования мозговой деятельности. Что бы там ни было, я выписываю вам сильнодействующие таблетки и серию уколов в голову, которые надо делать в больничных условиях.

Марк знал, что когда есть сомнения в диагнозе, всегда имеет смысл выслушать мнение ещё одного специалиста. Таковым оказался врач-психиатр, приятель Марка, который работал с ним в одной больнице. Внимательно осмотрев девочку, он пришёл к выводу, что с его стороны у неё никаких отклонений нет. В тоже время он посоветовал с большой осторожностью отнестись к выписанным профессором таблеткам, которые могут привести к, необратимым для маленького ребёнка, последствиям. Окончательную точку в лечении дочки поставила Соня. Она, сквозь наворачнувшиеся на глаза, слёзы подчёркнуто внятно процедила:

– Я не профессор и не дипломированный врач, а простая медсестра. Но эта медсестра, может быть и не очень много, но, всё-таки, кое что понимает в медицине. Я не допущу пичкать дочку ядовитыми таблетками. У нашей любимицы, Марк, имеет место осложнение после коклюша. Может быть оно пройдёт само по себе.

То ли Соня оказалась умнее профессора, то ли прабабушка Сталины усердно молилась в синагоге, Бог смилоствивился и ребёнок выздоровел.

Марк смутно помнил, что во время экзамена по небольшому курсу основ педиатрии в мединституте ему попался билет с вопросом «Сензитивный период развития ребёнка».

В памяти удержалось только, что он охватывает первые шесть лет жизни детей и что в это время их организм обладает повышенной чувствительностью к воздействиям внешней среды и оказывается готовым к усвоению новых форм поведения и знаний. Из этого вытекало, что надлежало внимательно изучать психологическое поведение ребёнка, выявить, что его интересует, всячески поощрять накопление новых познаний. Переводя это на простой язык, следовало не только ежедневно, а, если и не ежеминутно, то хотя бы ежечасно заниматься с детьми. Возможно, в обеспеченных семьях, где у родителей было много свободного времени, соблюдался этот канон. Марк же, озабоченный добыванием финансов для обеспечения семьи минимальными благами, кроме основной работы, продолжал брать ночные дежурства, которые неплохо оплачивались. Два раза в неделю по вечерам он принимал в поликлинике, брал на себя руководство интернами и давал частные уроки по химии для абитуриентов, поступающих в медицинский институт. Всё остальное, что называлось словом «хозяйство», ложилось на, отнюдь не могучие, плечи Сони. Понятно, что слово это даже в малой степени не отражало огромный спектр того, что она переделывала за день. Если благородная продукция Марка выражалась в количестве больных, которых он излечил, то его хрупкая и милая жена мыла, стирала, чистила, куховарила, покупала, одевала, подметала и совершала ещё кучу незаметных и трудоёмких дел, что не выражалось в исчисляемых единицах. В список перечисленного не входило самое главное. Соня, между ворохом неотложных домашних дел, занималась самым приоритетным делом – воспитанием своих ненаглядных тройняшек в рамках периода, который её учёный муж называл умным словом «сензитивный».

Марк при наличии времени, безусловно, мог бы многое дать своим детям в области познания мира. Однако, действительность вносила свои коррективы в процесс воспитания. Его дети, сменяя друг друга, а иногда и все вместе, часто болели. Благодаря этому он освоил вторую врачебную специальность. Коллеги полушутливо и полусерьёзно называли его педиатрическим хирургом. На самом деле, серьёзного здесь было намного больше. Марк, не обращаясь к врачам в детскую консультацию, лечил своих детей от кори и свинки, краснухи и ветряной оспы, дифтерита и скарлатины. Слух о докторе, успешно лечивших больных детей, быстро разнёсся по всему району, где проживала семья Перельман. Сначала Марк отказывал соседям, убеждая их в том, что он специалист по общей хирургии. Однако те и слушать ничего не хотели, взывая о помощи к их детям. Безотказному доктору зачастую пытались всучить деньги, от которых, несмотря на их острую нехватку, он всегда отказывался. Тогда благодарностью за его услуги стали натуральные продукты. Кто-то из родителей заболевших детей работал на мясокомбинате, кто-то на кондитерской фабрике, кое-кто на овощной базе. Таким образом, обеденный стол семьи стал пополняться бесплатными, иногда даже остроресурсными, продуктами, что позволяло направлять скромный бюджет на другие необходимые цели. Одна из родительниц, детей которых исцелил Марк, занимала должность заведующей детским садом и поэтому его потомство без лишних проволочек было устроено в детское дошкольное заведение. Это имело для него важное значение, поскольку сразу после рождения детей он встал в горисполкоме на очередь для устройства своих младенцев. Как бы курьёзно это не выглядело, но, забегая вперёд, Марк со смехом, который был, разумеется, сквозь горючие слёзы, рассказывал друзьям, что когда его дети уже учились в школе, по почте пришло сообщение из горно (городской отдел народного образования) об начале их посещения детского сада.

Однако по фатальному стечению обстоятельств пойти в школу было суждено только двоим из его детей. Буквально за месяц до начала учебного года у Марка прямо на операционном столе от внезапно оторвавшегося тромба скончался 80-летний мужчина. Медсестра, которая ассистировала ему на операции, грустным голосом констатировала:

– Жаль, конечно, дедушку. Но гораздо хуже приходится тем, у кого умирает маленький ребёнок.

Расстроенный Марк и подумать не мог, что именно сегодня гораздо хуже придётся ему и Соне. Не успел он выйти из операционной, как его позвали к телефону. В трубке послышался тревожный голос воспитательницы детского сада:

– Приезжайте быстрее! Фимочке очень плохо.

Когда Марк на служебном транспорте больницы, где он работал, подъехал к детскому саду, он увидел две машины «Скорой помощи» и нескольких медиков, столпившихся возле его, лежащего на земле, сына. Марк, расталкивая их в разные стороны, склонился над Фимочкой. Не прощупав пульса, он стал делать искусственное дыхание, а затем прямой массаж сердца. Один из врачей «Скорой», не зная, что Марк отец ребёнка, торопливо проговорил:

– Мужчина, перестаньте реанимировать мальчика. Он уже не жилец. Десять минут назад по всем признакам мы констатировали его смерть.

«Скорая помощь» увезла Марка, потерявшего сознание, в ту же больницу, откуда он приехал. Коллеги быстро привели его в чувство. Один из них, держа, на всякий случай, шприц и ампулу с успокаивающим лекарством, участливо сказал:

– Марк, мужайся! Так бывает. Ты потерял сына. Но тебя дома ждут ещё двое твоих детей. Ты им нужен. Крепись!

Укол всё-таки пришлось сделать. Сквозь обволакивающую дрему он слышал взволнованный голос своей операционной медсестры, которая, громко плача, приговаривала:

– Не понимаю, как это могло произойти. Такое случается раз в жизни. Говорят, что, когда воспитательница вывела детей на прогулку, сынок Марка наступил на валявшийся на земле высоковольтный провод и через него прошёл разряд в десять тысяч вольт.

Фимочку Перельман хоронили только через неделю, так как всё это время Соня лежала во всё той же больнице, где работал её муж, с диагнозом «острая сердечная недостаточность».

Над могилой безвременно ушедшего из жизни мальчика соорудили небольшой памятник. На его верхней стеле была изображена радуга, которая своим разноцветным спектром пронзает голубое небо. По диагонали искрилась розовым цветом надпись «Фимочка, мы с тобой каждую минуту. Мама. Папа».

Глава 3

Всё в нашей жизни временно

В 1937 году Марку исполнилось 14 лет, а Соне – 9 лет. Этот год запомнился отнюдь не возрастом членов будущей семьи Перельман. Просто в это время в сентябре начался Новый год по еврейскому летоисчислению. У иудеев цифрам соответствуют 22 буквы ивритского алфавита. Сочетание цифр 1 9 3 7 в буквенном обозначении в переводе с того же языка иврит означал «убей». Похоже, что в священных писаниях есть какая-то реалистичная закономерность. Указанный год запомнится жителям советской части планеты Земля как разгар жесточайшего по своим масштабам и кошмарного по исполнению социалистического террора.

Правда эти немыслимые репрессии против граждан своей же страны никто социалистическими не называл, несмотря на то, что уже была объявлена полная победа социализма. Двенадцать миллионов арестованных, из которых один миллион расстреляли, а два миллиона умерли в лагерях, уже не могли слышать оглушительный звон победоносных фанфар на Красной площади, призывающих уже к не полной, а окончательной победе строя, за который боролись и невинно задержанные советские люди.

Разумеется, среди них была огромная масса лиц, так называемой, еврейской национальности, которая всегда и везде являлась наиболее слабым и уязвимым звеном в общей цепи чего бы то ни было. Так получилось, что в первые десятилетия советской власти евреи получили свободный доступ во все образовательные и научные учреждения и успешно работали практически во всех областях науки. Получилось это не просто так, ни само по себе и не только потому, что они, в большинстве случаев, превосходили по интеллектуальным способностям своих сверстников других национальностей. Несмотря на их малочисленность, в эти годы доля евреев с высшим образованием достигала почти 20% от общего числа. На тысячу человек еврейского населения страны было 20,4 студентов евреев (у русских количество студентов составляло 2,8 на одну тысячу населения, у белорусов – 2,4, а у украинцев – 2). В последующие годы советской власти коммунистам удалось исправить эту «досадную оплошность». Как бы там ни было, в те довоенные годы евреев можно было встретить в научных институтах и лабораториях, они преподавали в университетах, их имена появлялись в академических изданиях, на обложках научных работ и учебников. Достаточно вспомнить вице-президента Академии наук Абрама Иоффе, академика Михаила Авербаха, академика Льва Берга, академика Леонида Мандельштама, академика Абрама Баха, академика Сергея Бернштейна и многих других действительных членов Академии наук СССР.

Отцам Марка и Сони не удалось достичь столь высоких академических званий. Первый, Самуил Наумович Перельман, был заведующим лабораторией в Физико-механическом институте, а второй, Самуил Яковлевич Гринберг, доцентом в университете. Общее у их отцов было не только имя, полученное при рождении, а и год, когда их арестовали и объявили врагами народа. Это был всё тот же 1937 год, объявленный еврейской нумерологией «убийственным». Сермяжная правда состоит в том, что сам народ никаких претензий к арестованным не предъявлял. Его представляла карательная машина, называемая страшной аббревиатурой НКВД (народный комиссариат внутренних дел).

Что ещё объединяло отцов Марка и Сони, так это одно и тоже обвинение в сотрудничестве с американской разведкой и, как следствие этому, в зловредном шпионаже против расцветающего Советского Союза, могуществу которого они нанесли как бы непоправимый урон. Понятно, что ни тот, ни другой не имели ни малейшей возможности пересечь Атлантический океан, чтобы пообщаться с капиталистами США. Да и, по правде говоря, не только государственный кордон они никогда не пересекали, а даже, проходящую по Уральским горам в пре-

делах страны, виртуальную границу между Европой и Азией ни разу не проезжали. Оба Самуила были расстреляны в 1938 году. И это тоже было общее в их трагической судьбе.

Мать Марка, как жену врага народа, тоже арестовали и сослали в лагерь на Колыму. Там она не выдержала перипетий злосчастливого рока, нависшего над семьёй, и буквально через несколько месяцев скоропостижно умерла от внезапной остановки сердца. Таким образом, юный пионер Марк Перельман в одночасье потерял любимых родителей, которые до сих пор сняты ему по ночам и на могилы которых он не может принести даже букета цветов. Несчастный подросток остался на попечении строгой и взыскательной бабушки, которая, несмотря на свой крутой характер, души не чаяла в своём любимом внучонке.

Бабушка вступила в члены РКП (б) (Российская коммунистическая партия большевиков) ещё в 1907 году. Впоследствии закончила одно из большевистских образовательных заведений, называемых «рабфаками» (рабочий факультет), а потом и Коммунистический политико-просветительский институт. Большевистскую идеологию Малка Ицковна впитала в себя, если и не с молоком матери, то, наверняка, с началом женских критических дней, которые наступили у неё в 14 лет. Она свято и незыблемо верила в коммунистические устои, преклонялась перед Лениным, равно, как и перед его последователем, Иосифе Сталине.

Ирония непредсказуемой судьбы заключалась ещё и в том, что бабуля, которую Марк насколько боялся, настолько и любил, работала начальником административно-хозяйственного отдела того самого НКВД, которое без всяких оснований расстрелял её сына. Обитая денно и ночно в этой карательной организации и зная там всё и вся, Малка Ицковна, конечно, пыталась совершить невозможное – спасти своего без вины виноватого сына. Однако искушённое руководство сумело убедить большевистскую фанатку, каковой она являлась и на самом деле, в том, что её чадо является крупнокалиберным шпионом. Заместитель председателя НКВД лично привёл ей весьма сомнительные доказательства того, что её сын передал нескольким иностранным разведкам секретные материалы, с которыми работала, возглавляемая им лаборатория. Тем не менее, шпион, объявленный народным комиссариатом, одновременно являлся родным сыном бабушки. Поэтому, она всё-таки старалась совершить недостижимое. Может всё-таки и можно было сделать из невозможного возможное, но только не при советской власти. Через много лет Малке Ицковне станет известно, что даже Вячеслав Молотов, будучи чуть ли не вторым лицом в управлении государством, даже не думал заикнуться перед первым, Иосифом Сталиным, об освобождении от ареста своей репрессированной жены Полины Жемчужиной. Что же могла сделать простая сотрудница НКВД.

В некоторой степени реабилитировало Малку Ицковну в своих собственных глазах участие в судьбе внука, когда он собрался поступать в институт. Марк с малых лет, вместо того, чтобы играть со своими сверстниками в «войнушку» или «казака-разбойника», запоем перечитывал, потрёпанную до дыр, книгу Корнея Чуковского «Доктор Айболит». В то время маленький Марик не знал, что для Чуковского прототипом доктора Айболита послужил известный еврейский врач и общественный деятель Цемах Шабат, проживавший в Вильнюсе. Трудно сказать, что так привлекло малыша в врачевателе жучков, червячков, коров и других животных. Однако целительная работа этого сказочного доктора так захватила Марка, что, иначе, как в белом халате, он себя не представлял. Но чтобы нацепить на себя эскулапскую униформу, надо было получить диплом врача, а перед этим стать студентом медицинского института.

Вот здесь как раз и вступила на абитуриентскую арену Малка Ицковна. Она, как никто, знала, что её внуку, сыну врага народа, дорога в институт была перекрыта всеми заслонами советской кадровой политики. Ей пришлось приложить титанические усилия для того, чтобы мечта Марка начала претворяться в жизнь. Малка Ицковна трепыхалась, как белка в колесе, металась во все стороны в поиске влиятельных знакомых, способных помочь её внуку переступить храм медицинской науки. Высокопоставленных приятелей у старой большевички было немало, но никто из них не соглашался поспособствовать в столь деликатном деле.

Она вдруг вспомнила, что когда расстреляли её сына, то неисповедимые пути господние привели чекистку Малку Ицковну в дом, где тот самый Господь должен незримо присутствовать. Эта еврейская молитвенная обитель называлась синагогой. Бабушка Марка не могла понять, как её, верного ленинца, занесло в это богоугодное место. Она в первый раз переступила порог еврейского храма. Её взору открылся большой, покрытый занавесом, шкаф. Она не догадывалась, что именно в нём хранятся свитки Торы. Рядом со шкафом она увидела на небольшом возвышении старика, одетого в длинную чёрную одежду с белой замысловатой вышивкой. На голове у него был небольшой тюрбан с доньшком из тёмного бархата. Облик его дополняла роскошная седая борода и очки, не скрывавшие огоньков в умнейших глазах. Малка Ицковна хотела была броситься восвояси от этого сеятеля «опиума для народа», как учили её в университете. Но раввин уже подошёл к ней и что-то спросил на языке «идиш», на котором говорили дома её покойные родители. Трудно сказать, почему она не впитала в себя язык своих предков и знала на нём только самые расхожие, в основном порицательные, фразы, которыми мать ругала её и пятерых братьев и сестёр. Раввин, видя, что странная посетительница не очень-то и понимает его, доброжелательно спросил уже на русском языке:

– Чем могу помочь, милая женщина?

Малка Ицковна, прочитав в глазах посланника Божьего благодушие и участие, неожиданно для себя выпалила всё, что накопилось в её многострадальной душе. Она рассказала, что потеряла мужа в гражданскую войну, что воспитала единственного сына, которого расстреляли за шпионскую деятельность и что сегодня согревает её растерзанное сердце только любимый маленький внук Марик. Седобородый раввин, мягко прикоснувшись к её плечу, участливо проговорил:

– Скажите, милая, вы еврейка?

– По записи в паспорте и по национальности родителей, да, – призналась бабушка Марка, – а вот по убеждению, наверное, нет, поскольку от головы до пяток пропитана атеистической идеологией.

– Я не буду уже вас перевоспитывать, – тихо, но напористо промолвил раввин, – но должен заметить, что, во-первых, ноги неспроста, привели вас сюда, а во-вторых, каждый еврей, кем бы он ни был, в глазах нашего Всевышнего остаётся иудеем.

– Что же мне делать, ребе, – залилась слезами бабушка Малка, – как искупить свои грехи, чтобы найти успокоение в этом мире?

– Смотрите, милая, – чуть заметно усмехнулся раввин, – я не христианский священник и не отпускаю согрешения. Да и вообще в еврейской традиции не исповедуются, а советуются с раввином.

Выдержав паузу и проникновенно взглянув на странную посетительницу, он продолжил:

– Я вижу, что вы находитесь во внутреннем и затяжном конфликте с собой. Психиатры лечат этот разлад таблетками. Я же от всего сердца рекомендую вам проникнуться верой в нашего Создателя. Именно он, как никто другой, поможет вам поверить в себя.

– Как же мне наполниться этой верой? – с сомнением взглянула она на раввина.

Он же искренне заглянул ей в глаза и тихим голосом промолвил:

– Для начала вам непременно следует зажигать свечи в шабат (субботу). Это принесёт вам душевное спокойствие, а в доме вашем будет царить умиротворённость и согласие. А ещё, приходите раз в неделю в синагогу, это, несомненно, приблизит вас к Создателю, который поможет вам. И помните, что в нашей жизни всё временно. Если всё идёт хорошо, то блаженствуйте. Но радость не длится вечно. Если же всё плохо и скорбно, как у вас сейчас, то не огорчайтесь, помните, это тоже не навсегда.

Никто и никогда не говорил таких успокоительных и, наверное, правильных слов Малке Ицковне ни в коммунистическом институте, ни на партийных собраниях и ни на работе. С этого момента она не то, чтобы мгновенно превратилась из воинствующего атеиста в бого-

боязненную женщину, не то, чтобы в одночасье стала верить во Всевышнего. Просто появилась какая-то сила духа, сдержанность, спокойствие, а главное, вера во всё хорошее и доброе.

С тех пор Малка Ицковна в каждый пятничный вечер, втайне от своих соседей и сослуживцев, стала зажигать «шабатные» свечи, шепча про себя нечто наподобие молитвы. Можно сказать, что по форме это было совсем не то, что читают религиозные евреи в священных книгах в синагоге, однако, как бы не отбрасывала она эту мысль, по содержанию, эта была, если и не молитва, так уж точно прошение или даже обращение к Всевышнему. В какой-то момент Малка Ицковна стала внутренне ощущать, что он, а не партийный устав или лозунги коммунистических съездов, неизвестно как помогает ей обрести саму себя, поддерживает её и вселяет надежду в текущей и будущей жизни.

Сейчас, когда бабушка Марка исчерпала, как ей казалось, все возможности в обустройстве врачебной судьбы внука, перст той же самой судьбы снова привёл её в синагогу. Она пробыла там около часа, повторяя мысленно одни и те же слова:

– Господь Бог милостивый, умоляю Тебя спасти от удара судьбы моё горячо любимое дитя и даруй ему в знак награды поступление в институт.

Похоже, что Царь Вселенной услышал тихое говоренье Малки Ицковны. Буквально через пять минут после выхода из синагоги она просто столкнулась со своим бывшим шефом, начальником областного управления НКВД, полковником Шевцовым. Он, порывисто обняв сотрудницу, с которой проработал много лет и к которой был в своё время неравнодушен, командирским голосом пробасил:

– Малка, неужели ты! Совсем не изменилась, такая же красавица!

– Ну это ты, Иван Николаевич, – чуть ли не прослезилась она, – на Бога берёшь, который, вероятно, и послал тебя ко мне.

– Какие к чёрту, Боги, – засмеялся бывший начальник, – ты, что в церковь стала ходить на старости лет.

– Не в церковь, а в синагогу, – хотела поправить его Малка, но тут же осеклась и посмотрела в сторону пятиэтажного жёлтого здания горкома партии.

– В нужную сторону смотришь, Малка, – перехватил её взгляд собеседник, – как раз там я сейчас и работаю.

– Неужели с оперативной работы, – вздохнула бывшая чекистка, – перевели на партийную.

– Угадала, – надменно кивнул головой полковник, – я теперь, ни мало, ни много – хозяин города, первый секретарь горкома КПСС.

Заметив в глазах собеседницы блеснувшие искорки и справедливо приняв их за необычайный интерес к своей персоне, он всплеснул руками и привычно скомандовал:

– А сейчас, Малка, шагом марш в ресторан, посидим полчасика, вспомним былое, поговорим.

В ресторане услужливый метрдотель провёл их в отдельный кабинет. Хозяин города придержал его за локоть и тоном, не допускающего возражения, приказал:

– Сегодня у нас нет времени расслаиваться, принеси нам водку и лёгкую закуску к ней.

Уже через пять минут на столике, покрытом зелёной скатертью, красовался хрустальный графинчик с водкой и большой тарелкой с бутербродами с чёрной икрой, осетровой рыбой и овощными салатами.

При виде этого продуктового изобилия, когда пушечные стволы ещё не успели остыть от только что закончившейся войны, Малка Ицковна хотела было возмутиться ничем не оправданным хлебосольством, но вовремя приостановилась, чуть слышно процедив:

– В НКВД вы меня, Иван Николаевич, такими блюдами не угощали.

– Да, брось ты Малка, – заразительно рассмеялся новоявленный секретарь горкома, – времена изменились, статус поменялся да и мы с тобой стали друзьями.

Он на мгновение замолчал, затем встрепенулся, быстро наполнил рюмки водкой и, пронзительно взглянув на бывшую подчинённую, проникновенно обронил:

– Не знаю почему, но до сих пор помню, Малка, как мы целовались с тобой на берегу озера. Причём, в памяти удерживается не столько сладость самого поцелуя, сколько трепетное чувство чего-то хорошего и доброго на душе. Давай выпьем, чтобы у нас с тобой всё было в лучшем виде.

– В лучшем виде, наверное, уже не получится, – еле слышно пробормотала Малка Ицковна, залпом осушив, неожиданно для себя, рюмку водки.

Она в упор глянула на бывшего шефа и вдруг, подставив уже пустую рюмку к графину, воскликнула:

– Ну что, Иван Николаевич! Пить так пить, гулять так гулять. Конечно же, я всё помню. Хотя это было очень давно, но выглядит правдиво.

После второй рюмки Малка Ицковна уже слегка затуманенным сознанием поняла, что готова изложить свою просьбу относительно внука Марика. Но не тут было. Иван Николаевич снова наполнил рюмки, привлёк к себе Малку и поцеловав в губы, привычно отчеканил:

– За Родину! За Сталина! За наше благополучие!

– Да, какое к чёрту благополучие, – брякнула в сердцах бывшая нквдешница, осушив третью рюмку.

Глядя прямо в глаза своему визави, она напористо попросила у него папиросу, к которой не прикасалась уже много лет. Суматошливо выпуская колечки дыма в сторону нависающей над ней люстры, Малка Ицковна с протяжным вздохом выдавила из себя:

– Вы, конечно, помните, как, не без ваших стараний, расстреляли моего сына?

– Побойся бога, Малка, – судорожно схватился за графин с, оставшейся ещё, водкой новоявленный горкомовец, – не я приговорил его, а суд.

– Да бросьте, Иван Николаевич, – вспыхнула она, – знаю я эти суды, да и вы осведомлены о их правомочности, пожалуй, лучше меня.

Иван Николаевич продолжал что-то лепетать о своём непричастии к расстрельным действиям, но она резко перебила его и, приложив руку к своему сердцу, тихо промолвила:

– Послушай, Ванюша, ведь были времена, когда мы были на «ты», что, на самом деле, целовались с тобой. Хотя бы во имя этого, а не ради того, чтобы хоть как-то реабилитироваться передо мной, сделай мне одолжение и выполни мою просьбу.

– Всё, что угодно, – воскликнул Иван Николаевич, наливая себе остатки водки, – только попроси, сделаю всё, что в моих силах.

– Ты сейчас первое лицо в городе, – залилась слезами Малка Ицковна, – прошу тебя, сделай так, чтобы мой внук стал в этом году студентом медицинского института.

Буквально через несколько дней первый секретарь горкома партии позвонил по телефону и бодрым голосом бывшего чекиста отрапортовал:

– Всё в полном ажуре, Малка! Я переговорил с ректором, он обещал сделать всё возможное, но с одной оговоркой: у твоего внука примут документы и он будет зачислен при условии успешной сдачи экзаменов.

Через много лет в приёмной комиссии одного из медицинских вузов СССР кто-то прикрепил плакат с надписью «Все места проданы». Плакат провисел ровно десять минут, но и без него народ, не без оснований, догадывался, что написанное было крайне недалеко от истины. Что же касается внука Малки Ицковны, который обладал прочными знаниями всего изученного в школе, то неизвестно, давал ли ректор указания тем, кто принимал экзамены относительно персоны Марка или нет. Ведь любого абитуриента можно, если и не засыпать, то просто поставить ему незаслуженную плохую оценку. Слава Всевышнему, что это не случилось с внуком любвеобильной бабушки Малки и он по праву, хоть и не без протекции, стал студентом мединститута. Правда, здесь надо помнить, что покровительство ректора, в общем, заключа-

лось только в том, чтобы приёмная комиссия не обратила внимание на то, что данный абитуриент является сыном врага народа.

Маленькой Соне поначалу повезло немного больше, чем Марку. После смерти отца она, в отличие от будущего мужа, всё-таки осталась под присмотром энергичной мамочки. Любимую маму звали Любовь Моисеевна. Когда мужа расстреляли, она не захотела оставаться в большом городе, и они с Сонечкой переехали в Ялту, где у покойной уже бабушки был небольшой домик. Любовь Моисеевна была по образованию фармацевтом. Это дало ей возможность без особого труда устроиться в аптеку. Уже через несколько месяцев весь небольшой курортный городок знал, что в центральной аптеке работает симпатичная доброжелательная женщина, всегда готовая помочь заболевшим людям. Малышка Соня привыкла к кипарисному южному городу. В свободное от уроков время они с подружками загорали на узкой полосе галечного пляжа и, конечно же, нежились в ласковых волнах синего моря. Как-то раз она даже с шумной ватагой одноклассников по серпантинной извилистой тропе взобралась на живописную вершину Ай-Петри.

К сожалению, крымский период жизни Сонечки прервала война. В октябре 1941 года, когда передовые части гитлеровских войск быстро передвигались по южно-украинским степям, началась эвакуация населения южного берега Крыма. Проходила она в исключительно сложных условиях. Несколько дней Соня с мамой под бомбёжками на попутных грузовиках добирались до Симферополя. На железнодорожной станции крымской столицы им удалось сесть в эшелон, направлявшийся на Урал. Буквально на второй день поезд, на котором они ехали, попал под бомбёжку немецкой авиации. Всем было приказано выйти из вагонов и лечь на землю. Когда воздушная атака закончилась, Любовь Моисеевна схватила дочку за руку и бросилась бежать с ней к своему вагону. Однако напор паникующей толпы, бегущей в противоположном направлении, разорвал сплетение рук мамы и дочки. Буквально через две минуты Соня исчезла из поля зрения матери. Любовь Моисеевна, как, загнанный в неведомую ловушку, зверь металась по перрону маленькой станции в надежде отыскать дочку. В это время тревожный паровозный гудок возвестил об отправлении состава. Какой-то мужчина в форме железнодорожника буквально втолкнул рыдающую Любовь Моисеевну в тамбур вагона отъезжающего эшелона. В окне вагона она увидела абсолютно безлюдный станционный дебаркадер. Рассудив, что Соня заскочила в поезд, заливающаяся слезами мать, беспрестанно переходя из вагона в вагон, так и не обнаружила, ни в одном из них, свою маленькую доченьку.

В это время обезумевшая Соня тоже лихорадочно носилась по железнодорожной платформе, тщетно пытаясь отыскать мать. Будучи уже не совсем маленьким ребёнком, она старалась успокоиться и мыслить, по возможности, рационально. В то же время 12-летняя девочка ещё не была достаточно взрослой, чтобы принять благоразумное решение. Соня сочла логичным зайти в пустующее станционное помещение и присесть на, единственный сохранившийся, там полусломанный стул в туманной надежде, что мама тоже догадается зайти туда в поисках дочери. Буквально через несколько минут надежда испарилась, когда она услышала гудок паровоза, а вместе с ним отъезжающий поезд, оставляющий за собой абсолютно безлюдный перрон.

Соня тут же поняла, что её мамочка находится в ушедшем поезде, догнать который просто невозможно. Она не знала сколько просидела в безмолвном ступоре: пять минут, час или несколько дней. Наверняка она бы замёрзла в неотапливаемом помещении. Но неожиданно в этот станционный тамбур ввалились несколько десятков солдат. Один из них, заметив, дрожащую от холода, девочку, тут же сбросил с себя шинель и укрыл её. Подбежавший офицер, оценив ситуацию, поднёс Соне кружку с неизвестно где добытым кипятком и заставил выпить несколько глотков в придачу с небольшим кусочком сахара. Затем, освободив от ремня небольшую серую флягу, он выдал из неё себе на руки спирт и растёр им замёрзшие руки обнаруженной девочки. Только по завершению спасительных процедур он позволил себе спросить:

– Девочка, милая, ты кто? Как оказалась здесь совсем одна?

Ожившая после кипятка, Соня рассказала обо всех своих злоключениях. Станция была пуста и офицер в форме артиллерийского капитана не имел никакой возможности выяснить куда и каким поездом уехала мать девочки. Да и у него не было другого выхода, как сказать ей:

– Послушай, деточка! Всё будет хорошо! Найдётся твоя мамочка. А пока поедешь с нами. Мы тебя в обиду не дадим.

Уже через час Соня сидела в теплушке, которая катила по железнодорожным рельсам в направлении к фронту. Через несколько дней поезд остановился на какой-то большой станции и простоял там несколько часов. Капитан, который по сути дела спас Соне жизнь, продолжал опекать девочку. Он приказал ей не выходить из вагона, а сам выскочил из него и помчался к солидному зданию вокзала большого города. Вернулся он через час в сопровождении дородной женщины со сплетённой косой вокруг головы.

– Как тебя зовут, девочка? – тут же осведомилась она и, не давая ей ответить, тут же продолжила:

– Есть ли у тебя с собой какие-нибудь документы?

– Все документы остались у мамы, а зовут меня Соня, – всхлипнула она.

– А фамилию свою помнишь, Сонечка? – продолжала допрашивать её толстуха.

– Конечно, помню, – сквозь плач проскулила она и тут же осеклась.

В школьном журнале она именовалась как Софья Гринберг. Но сейчас вдруг вспомнила, что мама всегда говорила, что когда она будет получать паспорт, ей надо будет взять её фамилию – Уманская. Соня, возражая ей, всячески подчёркивала, что фамилия Гринберг ей нравится больше потому, что в переводе с немецкого она означает живописное словосочетание «зелёная гора». Однако, мама полусушутя, но больше, наверное, полусерьёзно мотивировала, что с её фамилией – Уманская ей будет легче жить на этом свете. Только через несколько лет Соня поймёт эту мотивировку. А ещё через какое-то время, когда она вступит в брачный союз с Марком, она оставит за собой фамилию матери. Но сейчас, когда незнакомая женщина снова справилась:

– Ты что ли забыла свою фамилию или не знаешь, – Соня подняла свою кудрявую головку вверх и не без гордости произнесла:

– Моя фамилия – Уманская!

Она хотела было добавить, что её мама родилась в Умани и в честь этого города на Украине она и носит эту фамилию. Однако, женщина, которую привёл капитан, перебив Соню, схватила её за руку и поспешно проговорила:

– Значит так, Сонечка, мы очень постараемся разыскать твою маму. Поезд, в котором ты находишься, буквально через считанные минуты отправляется на фронт, и ты, конечно, не можешь тут оставаться.

– А куда вы меня поведёте, тётенька, – снова разрыдалась Соня, – я хочу к маме!

– А вот и никакая я ни тётя – скривилась она в деланной улыбке, – зовут меня Тамара Ивановна, я директор детского дома, в который мы сейчас и пойдём. Там ты временно и побудешь, пока не найдём твою маму.

Детский дом находился недалеко от вокзала. Уже через полчаса они переступили его порог. Из окна большой комнаты, где стояло более двух десятков кроватей, Соня увидела багровый краешек заходящего солнца, который небрежно зацепился за скалистый берег Волги в татарском городе Казани.

В сознании Сони крепко засело слово «временно», которая проговорила в вагоне Тамара Ивановна. Она ещё не знала, что нет ничего более постоянного, чем временное. Это слово с лёгкостью заменяется выражением «пока суд да дело». Но не было никакого суда и никакого дела: Соня пробыла в детдоме около пяти лет. Нельзя сказать, что её маму не искали. Однако в полной неразберихе начала войны трудно было что-то выяснить. В это время мать,

которая тоже тщетно пыталась найти дочку, попала на фронт, где вышла замуж за однополчанина и сменила фамилию на фамилию мужа. Поэтому, после войны повзрослевшая Соня также не нашла свою маму. После окончания школы она покинула «нелёгкие университеты» детдома и поступила в медицинское училище, уйдя, тем самым, на самостоятельные хлеба. По распределению Соня попадает в одну из лучших больниц города, где и знакомится с молодым интерном Марком Перельманом, за которого и выходит замуж, так и оставшись, помня завет матери, на фамилии Уманская.

Кто же мог предположить, что этот самое наставление сыграет важную роль в событии, которое произойдёт через 15 лет с момента, когда Соня потеряла свою мать. Кто мог подумать, что мужу Любови Моисеевны Уманской присвоят звание полковника и переведут с повышением по службе в город Казань. Когда же Соня подхватит воспаление лёгких и ей понадобятся антибиотики, доктор Марк Перельман войдёт в ту самую казанскую аптеку, где фармацевтом работала её мать. Он протянул ей рецепт на лекарство, она поспешным взглядом прочитала название таблеток и отошла к аптечному комоду, чтобы извлечь их из ящика. Однако, что-то привлекло её внимание в поданном рецепте. Она снова, уже более внимательно, всмотрелась во врачебное предписание. Глаза острой вспышкой резанули именные данные больного. Там было чётко выписано, что лекарство предназначено *Уманской Софье Самуиловне*. У Любови Моисеевны подкосились ноги и она стала оседать на холодный кафельный пол. Марку пришлось перепрыгнуть через прилавок, отделяющий фармацевта от покупателей, и всеми доступными ему врачебными методами приводить немолодого, но привлекательного провизора в чувство. Когда Любовь Моисеевна открыла глаза, из её уст прорвался шёпот:

– Кажется, я нашла свою дочку.

Ничего не понимающий, Марк счёл прерывистую абракадабру фармацевта за полубредовый абсурд и посчитал нужным спросить, где хранятся успокаивающие таблетки. Однако Любовь Моисеевна неожиданно, достаточно прытко, приподнялась с пола, залпом осушила стакан воды и надрывно попросила:

– Предъявите, пожалуйста, документ женщины, для которой выписан рецепт.

Ошеломлённый Марк тут же достал Сонин паспорт и протянул его фармацевту. Она долго всматривалась в фотографию, окропляя её горячими слезами, приговаривая сама себе:

– Да, нет сомнения, это моя девочка, моя Сонечка, моя любимая доченька!

Сквозь непрекращающиеся всхлипы, Любовь Моисеевна спросила Марка:

– А вы кем приходитеесь моей Сонечке? Неужели она жива?

Потрясённый Марк, ещё не понимая, что происходит, невнятно пробормотал:

– Мне бы и в голову не пришло покупать лекарства для тех, кто уже находится на небесах.

Это я вам говорю, как законный муж Сонечки Уманской.

Любовь Моисеевна бросилась на шею Марку со словами:

– Боже мой праведный, у моей дочки есть муж, а у меня зять.

– А ещё трое внуков, два мальчика и девочка, – машинально добавил всё ещё растерянный Марк.

– Что же это делается на белом свете? – снова всплакнула она, – так я не только снова стала мамой, не только тещей симпатичного мужчины, а ещё и бабушкой.

Любовь Моисеевна, проглатывая слёзы, рассказала Марку как она потеряла Сонечку в первые месяцы войны. Поведанное ею в точности совпадало с тем, о чём часто вспоминала Соня. Сомнений не было, перед ним стояла мать его любимой жены.

– Так что же мы медлим, – воскликнул взбудораженный Марк, – немедленно бежим к вашей дочери!

Уже через полчаса Марк открывал дверь своей квартиры. Прямо к ней под ноги на трёхколёсном велосипеде въехала трёхлетняя Сталинка. Она вопросительно посмотрела на Любовь Моисеевну и по слогам отчеканила:

– Тётя, к маме нельзя, она больная.

Мать Сони стремительно сняла её с велосипеда и, подняв на руки, плаксиво прошептала:

– Ну, здравствуй внученька, не знала, что сегодня у меня выдаться самый лучший день моей жизни.

В это время из спальни послышался слабый голосок Сони:

– Марик, это кто там Сталину называет внученькой?

Марк хотел было что-то произнести, но Любовь Моисеевна буквально бросила внуку к нему на руки и вбежала в комнату, где лежала приболевшая Соня. Она, как вкопанная, остановилась у кровати дочери, которая широко открытыми глазами пристально всматривалась в её заплаканное лицо. Бледное лицо Сони неожиданно покрылось багровыми пятнами и запылало огненным жаром, исходящим, как ей казалось, от самого сердца. Она встрепенулась и раскатило прохрипела:

– Марик! Мне плохо, мне кажется я схожу с ума, похоже у меня галлюцинации. Мне снится, что моя мама вернулась.

Любовь Моисеевна подбежала к дочери и, крепко прижав её к себе, запричитала:

– Это не бред, доченька. Грех говорить, но очень хорошо, что ты приболела, иначе я бы не нашла тебя. Я тебя быстро вылечу, и мы уже никогда не потеряем друг друга.

Когда Марк рассказывал о случившемся своим друзьям на работе, он непременно подчёркивал, что феномен встречи матери и дочки породил чудо излечения его жены без лекарств. Приобретённые антибиотики просто не понадобились и были выброшены за ненадобностью. Когда же через несколько дней по этому поводу была откупорена бутылка шампанского, муж Любви Моисеевны, полковник Розенбаум, наливая в маленькую рюмку принесённый с собой спирт, хорошо поставленным офицерским голосом произнёс:

– Я хочу, что мы выпили за уважаемого доктора Марка Перельмана ибо он, сам того не сознавая, из четырёх, находящихся в радиусе сто метров, аптек выбрал именно ту, где работает моя жена.

– Мало того, – добавила новоявленная тёща Марка, – мой зять из трёх фармацевтов, в пустующей в это время аптеке, предъявил рецепт с именем моей дочери именно мне, а никому-то другому.

Полковник Розенбаум по фронтовой привычке вскинул руку, чтобы влить в себя, уже, правда, не наркомовскую, дозу спирта, но Марк остановил его, проникновенно произнеся:

– Пить, мои дорогие, следует не за мою скромную персону, а за мою жену и тещу, которые, не имеет значения как, нашли друг друга.

Обрадованный полковник хотел было повторить свой предпитейный жест, однако его снова перебили, на этот раз Соня. Она обняла Любовь Моисеевну со словами:

– Мамочка, дорогая! Мы теперь навсегда вместе. За тебя, любимая!

Дослушав искренние речи своих родственников, полковник Розенбаум облегчённо вздохнул и влил в себя рюмку с вожденной жидкостью.

Часть 2

Иосиф Маркович

Глава 4

Кругом одни чудеса

Иосиф Перельман не знал, что своим именем обязан бывшему советскому вождю Иосифу Сталину. Родители не то, чтобы хотели скрыть от него это. Причина была более банальной: им было стыдно признаться сыну, что он был назван в честь тирана, культ личности которого развенчал, ещё в 1956 году, тогдашний секретарь ЦК КПСС Никита Хрущёв.

Парадоксально, что всё связанное с именными метаморфозами Иосифа Джугашвили (подлинная фамилия Сталина) преследовало Иосифа Перельмана в его ученическое бытие. Всем известно, что в школьной жизни редко кто не достаивается клички. Они бывали смешные, обидные или просто никакие. Вот таким никаким прозвищем и обозвали Иосифа, наградив его обидным именем «гуталин». А всё из-за того, что он, в отличие от своих одноклассников, регулярно чистил свою обувь одноименным кремом и, к тому же, почему-то вместо слово «хорошо», употреблял немецкое «гут», созвучное современному «Окей». Однако немногие знали, что такой же кличкой, может быть потому, что был сыном сапожника, был награждён и Иосиф Виссарионович Сталин. Не знал это и Иосиф Перельман. Никто не говорил ему, что была даже воровская песня с крамольным текстом: «В кремлёвском зале музыка играет, благоухает ландыш и жасмин, а за столом Россию пропивает пахан Советов, Иоська Гуталин». Это сегодня известно, что, не будучи наделённый алкогольными пристрастиями, великий вождь, за которого шли на смерть бойцы Красной армии, Россию не пропивал, а планомерно и жестоко уничтожал. Всё это в никакой мере не касалось личности Иосифа Перельмана. Понятно, что он не употреблял спиртных напитков и никого и никогда не расстреливал. Более того, несмотря на иллюзорную общность с именем Сталина, он ненавидел его всеми фибрами своей легко ранимой души. Ведь, если даже ни от руки пресловутого вождя, то уж точно по его воле были расстреляны двое его дедушек.

Между тем, кадры школьной жизни Иосифа мелькали малозначимыми эпизодами, которые были наполнены рутинными уроками. В дополнение к ним, была ещё и вялотекущая пионерская атрибутика, плавно переходящая в шаблонный формат комсомольского бытия. Ни первое, ни второе, несмотря на парадно раздутую символику, ни в какой степени не привлекало Иосифа. Он никогда не причислялся к тем, кого сегодня называют «ботаниками», т.е. к скучным, занудливым и заученным школьникам. Но в тоже время всегда чётко знал, чем ему надлежит заниматься в будущей жизни. Когда 8 «б» класс, в котором он учился, писал сочинение на свободную тему, которую «русичка» расплывчато сформулировала не иначе, как «Моя профессия после окончания школы», он был единственный вразумительно и доказательно обосновавший целесообразность выбора своей специальности. Просто никто из писавших это сочинение, как и подавляющее большинство их сверстников, не задумывались или не хотели думать о том, что их ждёт. Ведь проектирование будущей профессии, прежде всего, предполагает постоянную будничную работу в выбранном направлении уже сегодня. Именно этого и не хватало отрокам, которые не относили себя к тем, кого завтра назовут «ботаниками».

Учительница русской литературы Фаина Борисовна, которую, вопреки её еврейской национальности, называли «русичкой», была поражена эпитафией, выбранным Иосифом

к своему сочинению. Он гласил: «Если вы хотите вести счастливую жизнь, вы должны быть привязаны к цели, а не к вещам». Далее на трёх страницах чернильного текста раскрывалось, что этой целью у Иосифа являлась профессия физика. На замечание Фаины Борисовны, что этот эпиграф является не просто вопиющей бессмыслицей, а просто какой-то немислимой абракадаброй, Иосиф невозмутимо ответил:

– К сожалению, я не знаю, что такое абракадабра, такого слова мы с вами в русском языке просто не учили.

– Это слово, любезный, – отрубил преподавательница русской словесности, – означает не что иное, как абсурд.

– Не думаю, – смущённо промолвил Иосиф, – что слова гениального физика Альберта Эйнштейна являются какой-то нелепостью.

Пока ошеломлённая Фаина Борисовна торопливо протирала очки и медленно оседала на свой стул, расстроенный Иосиф добавил:

– Прошу прощения, что я по своей рассеянности забыл приписать фамилию основателя современной теоретической физики к своему эпиграфу.

– Ничего страшного, Иосиф, – виновато пробубнила учительница, – хочу только сказать, что за своё сочинение ты получил две оценки: по русскому языку – твёрдая двойка, а вот по русской литературе – железная пятёрка.

Она сконфуженно посмотрела на него и, уже обращаясь ко всему классу, поощряюще вставила:

– Несмотря на массу ошибок в тексте сочинения, Перельман является единственным, кому удалось убедительно доказать, почему он решил выбрать специальность физика.

Снова снисходительно взглянув на Иосифа, Фаина Борисовна продолжила:

– Если ты сумеешь исправить свои грамматические ошибки, я пошлю твоё сочинение на городскую олимпиаду по русской литературе.

– Исправить ошибки я сумею, – уткнувшись в учебник физики промямлил Иосиф, – а в вашей олимпиаде участвовать не буду.

– Это ещё почему, – возмутилась Фаина Борисовна, – это же честь не только для тебя, а и для всей школы.

– Да потому, – огрызнулся Иосиф, – что я не фанат русской литературы, а репутацию школы я постараюсь не осрамить на всесоюзной олимпиаде по физике, куда меня направили как одного из победителей республиканского состязания.

Иосиф не лгал, он и на самом деле насколько терпеть не мог гуманитарные науки, настолько обожал точные. В то время, как кумирами его сверстников были космонавт Юрий Гагарин, вратарь сборной по футболу Лев Яшин, ливерпульский ансамбль «Битлз» и незабываемые фильмы «Бриллиантовая рука» и «Кавказская пленница», его идолами были физики Альберт Эйнштейн, Лев Ландау, Исаак Ньютон и Галилео Галилей. Он сам не понимал, как смогло случиться, что не математика, не химия, а именно физическая наука заняла почти всё жизненное пространство, в котором он находился. Может быть, поэтому он и появился в стенах Московского физико-технического института (МФТИ), где проходила Всесоюзная олимпиада по физике. Может быть, поэтому он и оказался там представителем Татарской автономной республики, предварительно став победителем районных, городских и республиканских олимпиад.

Вся семья в полном составе провожала Иосифа в столицу. Мама Соня и сестричка Сталина пустили даже, далеко не скупые, женские слёзы. Да и было от чего. Это не были слёзы радости, это была печаль расставания. Ведь Иосиф впервые покидал родные пенаты. Все волновались: как ему, 15-летнему юноше, будет там в многоликой и, может быть, не совсем безопасной советской столице, где ему надлежало провести три дня совсем одному.

Иосифа больше волновали не превратности московской круговерти, а модели задач на олимпиаде. Поэтому, большую часть полусуточного путешествия в плацкартном вагоне он не отрывал глаз от книги академика Ландау «Задачи теоретической физики». И это, несмотря на безудержное пение полупьяных солдат, едущих на «дембель» и на нескончаемый плач маленьких детишек, не желающих засыпать под стук вагонных колёс. Когда же он распластался на неудобной боковой верхней полке, в непродолжительном коротком сне ему грезились траектории «квантовых фотомагнитных осцилляций», открытых академиком Кикоиным.

Иосиф ещё не знал, что именно он, Исаак Константинович Кикоин, будет председателем оргкомитета олимпиады и именно он будет пожимать ему руку как одному из победителей этого необычного соревнования талантливых школьников. Казанского любителя физики в немалой степени смутило, что когда делали переключку участников олимпиады, то большинство фамилий имели, не очень-то и форматные в стране Советов, окончания «ман», «штейн» и «берг». Ещё больше огорошило Иосифа, что в институтских коридорах под многими фотографиями ведущих профессоров были написаны фамилии с подобными концовками.

Увиденное Иосифом историк Максим Гаммал называл интересным и ярким феноменом массового участия евреев в науке. С одной стороны, «это восьмое чудо света» служило ксенофобским высказыванием, что мол именно евреи – самые мудрые и светлоголовые на свете. С другой стороны, по словам того же историка, это говорило о том, что якобы весь современный мир сконструирован евреями и именно это являлось источником антисемитской пропаганды. С, так сказать, третьей стороны, Иосиф не очень-то находился в теме, в которой красной нитью проходила мысль, что сегодня лиц еврейской национальности не спешат принимать в престижные институты страны. Современная советская власть без особых усилий сумела повернуть колесо, при котором его дедушки свободно поступали в любые университеты, в обратном направлении. Однако отголоски отмеченного, которые в той или иной степени обсуждались в семье, доходили и до его ушей. В то же время Иосиф, безудержно увлечённый физикой и математикой, не взял на себя труд заглянуть в Конституцию СССР. Если бы он пролистал 21-ую её главу, то наверняка обратил бы внимание, что там декларировалось равноправие граждан вне зависимости от расовой и национальной принадлежности. Вместе с тем, подрастающий отрок догадывался, что по отношению к советским иудеям процветала политика государственного антисемитизма. Иосиф не знал, что это называется столь высоким слогом, но чувствовал, что в верхних этажах власти к евреям относятся не совсем так, как записано в Конституции. Лишний раз это подтвердил, татарин по национальности, директор школы, когда перед отъездом в Москву мягко, почти по отечески, сказал ему:

– Послушай, Иосиф, тебе через полгода получать паспорт. Советую сменить фамилию Перельман на фамилию матери. Мне кажется, что Иосиф Уманский будет звучать красивее. Да и жить тебе станет намного легче.

Будущий физик догадался, конечно, о скрытом смысле, предлагаемой директором, аранжировки. Ничего не ответив на это, в тот момент он подумал про себя:

– Поменять фамилию означает предать отца, деда, которых я очень люблю и уважаю. Ни при каких обстоятельствах не буду делать этого.

Вряд ли подвергался сомнению тот факт, что с фамилией Перельман в Советском Союзе невозможно было стать не только министром, секретарём обкома партии и председателем горсовета, а и просто директором небольшого завода или научным сотрудником какой-нибудь лаборатории закрытого научно-исследовательского института. Однако, несмотря на эту реальность, через полгода после олимпиады Иосиф, в числе ещё четырёх человек из республики, был приглашён в Москву в физико-математическую школу-интернат, возглавляемую академиком Колмогоровым. Это было неординарное учебное заведение, где не могли помочь ни протекция, ни связи, ни взятки в виде денег или других услуг и ни изворотливость обойти что-либо обозначенное. Во главу угла ставились эрудиция, исключительные способности к точным нау-

кам, нестандартное логическое мышление, склонность к анализу и тяготение к научно-исследовательской работе. Получалось, что Иосиф Перельман соответствовал всем перечисленным качествам.

Детище академика Колмогорова, физико-математическая школа-интернат, было задумана им как творческая школа. Главным здесь считалась стремление привить питомцам навыки самостоятельного научного мышления. В процессе обучения они вооружались всем необходимым для творческого восприятия как будущего университетского курса, так и для быстрого вхождения в самостоятельную научную работу. У обывателя словосочетание «школа-интернат» ассоциировалось как учебное заведение, в котором надлежит питаться и ночевать. По форме оно так и было, а вот содержание было необычным.

Иосифу импонировало, что уроки, в зависимости от модели их проведения, назывались лекциями, лабораторными занятиями или семинарами. Он был в восторге и от того, что занятия проводили доценты, профессора и даже академики, которые не просто снабжали их бездной необходимых знаний, а и учили, как ими распорядиться на практике. Несмотря на то, что последнюю они по-философски называли критерием истины, упор обучения делался на теоретические аспекты математики и физики. Один из профессоров постоянно твердил им, что учёный может быть и лаборантом, а вот у лаборанта стать учёным-теоретиком нет никаких шансов.

Иосифа радовало, что преподаватели, в отличие от школьных учителей, не опускались до троекратного разжёвывания простых вещей, в то же время доступно и логично объясняя сложные атрибуты физической науки. Здесь учеников не вызывали к доске, не требовали дневников, не ругали за плохое поведение. Как по большому, так и по малому счёту в этом не было никакой необходимости. Ни у кого не возникало ни малейшей потребности шалить, баловаться, не слушать преподавателя и пропускать уроки. Да и, честно говоря, дурачеством, даже при желании, заниматься было некогда. Учебный день правильнее было назвать словом рабочий. Причём, он по интенсивности не делился на две части (школа и общежитие), а являлся плавным вливанием одной из них в другую. Требования к познанию обучаемого были не просто строгими, а, можно сказать, запредельными. Но именно это и превращало учеников в будущих светил отечественной физики.

Ещё очень нравилось Иосифу, что здесь их не делили на троечников, ударников и отличников. Он понимал, что в этом не было надобности, поскольку все они, примерно на одном качественном уровне, были обогащены текущими знаниями и одинаково страстно стремились к накоплению последующих. Ему было более, чем комфортно быть равным среди равных, имеющих глубинные задатки к накоплению сложных понятий теоретического познания. Иосиф не знал, что академик Колмогоров ставил этот факт одним из необходимых условий образования своей школы. В одном из своих писем домой на вопрос родных, как проходит процесс обучения в интернате, он чтобы «не растекаться мыслью по древу», в ответ привёл стихотворный опус, написанный одним из его одноклассников: «Задают нам очень мало, Что и говорить! Ну, подумаешь, английский, Взять и повторить. Ну, подумаешь, анализ, Надо подучить, Сделать семь задач каких-то, Быстро объяснить. Разобрать конспекты лекций, Выучить и знать, И матпрактикум сложнейший Выполнить и сдать. И по алгебре задачи – Просто чудеса! У меня на них уходит Только три часа. Приготовиться к контрольной, Физику решить, Сдать Зачёт, литературу Малость повторить. Разобрать, закончить, сверить, Прочитать, учить, Написать, перепроверить, Переповторить! Доказать, списать, запомнить, Съесть, перевести, Физикой себя заполнить, И с ума сойти!».

Этот нехитрый, не очень-то и совершенный с точки зрения высокой поэзии, опус вполне совершенно описывает напряжённый рабочий день обитателя московского физмат интерната. В более простой расшифровке он гласил, что учиться было до невозможности тяжело. Тем не менее, эти невозможности открывали Иосифу абсолютно новые возможности познания

мира как в его абстрактно физико-математическом понимании, так и в житейском восприятии. Он помнил одно из высказываний своего кумира Альберта Эйнштейна, что «есть только два способа прожить жизнь, первый – будто чудеса не существует, второй – будто кругом одни чудеса». Понятно, что Иосиф выбрал для себя второй. Он не искал для себя диковинок и невидаль: они сами его находили в лабиринте запутанных математических формул и в, постоянно изменяющемся, калейдоскопе сложных физических метаморфоз. Иногда, когда усталость от всего этого буквально валила его с ног, он, тем не менее, продолжал работать, включая то, что современные далай-ламы называют подсознанием. Это, и в самом деле, была чудотворная медитация мозговых извилин, флюиды которых, несмотря на невероятную усталость, проникли в суть физических явлений.

Глава 5

Первая любовь

Одним из чудес, предрекаемых Альбертом Эйнштейном, была, заставшая Иосифа врасплох, инверсия в обыденной жизни. Дело в том, что он всегда верил, что физической науке надо отдаваться полностью, не размениваясь на мелочи. Однако мелочи в одно, наверное, чудесное мгновение ворвались в жизнь Иосифа в очаровательном формате пола, который именуется противоположным. Его представляла привлекательная девушка Эльвира Баширова. Справедливости ради, эпитет «привлекательная» соответствовал бы реальности в любом случае, так как на их курсе были всего две девушки. Но её подруга Настя Козловская – низкорослая, толстая и близорукая, с линзовыми очками девушка явно не являлась символом девичьей красоты. Поэтому, именно Эльвира была единственной представительницей юной женственности в их интернате. Тем не менее, Иосиф усмотрел в ней только уникальную, не присущую женскому полу, способность решать чрезвычайно сложные теоретические дилеммы. Оказалось, что Эльвира не ограничила себя только паутиной различных физико-математических проблем. Причиной тому явился не кто иной, как сам Иосиф Перельман. Через некоторое время, когда их уже связывали узы взаимной притягательности, она призналась ему, что её покорила в нём острота ума и энциклопедичность его знаний. Но здесь она явно кривила душой, ведь этими качествами обладали, практически, все тридцать пять юношей, обучающиеся в интернате. На самом деле, в дополнение к отмеченному, её привлекла ещё и неотразимая наружность Иосифа. Он, действительно, отличался от своих товарищей высоким ростом и нежными чертами лица. Иосиф, всегда поглощённый в дебри точных наук, не замечал на себе призывных девичьих взглядов, обращённых к его привлекательной внешности со стороны подрастающего девичества. Синева его выразительных глаз, обрамляющих, хоть и длинный, но не лишённый греческого изящества, нос и брюнетная прядь густых волос придавала ему сумасшедший шарм, на который обращали внимание даже взрослые женщины. Но Иосифу была неведома его привлекательность. Но, если бы он и знал, то вероятность того, что он воспользуется этим приближалась к нулю.

Однако, вероятность события не всегда соответствует тому, что должно произойти в действительности. Так произошло и с Иосифом в один из зимних московских вечеров, когда в морозном воздухе кружились крупные снежинки, превращаясь в пушистый белый снег на мостовых и тротуарах. Он, поглощённый в свои научные думы, неторопливой походкой возвращался из библиотеки в общежитие. Математические формулы затмили причудливый иней на деревьях, серебристое покрытие уличных фонарей и лунную дорожку, которая стелилась по парковой аллее. Его совсем не волновала фееричность зимнего вечера и лиризм, царящий в природе. Он лихорадочно размышлял о том, что имел в виду Альберт Эйнштейн, когда пришёл к выводу о пространственном ограничении Вселенной при определённых условиях. По этому поводу Иосиф вспоминал слова великого физика, что «есть только две бесконечные вещи: Вселенная и глупость. Хотя насчёт Вселенной я не уверен». Получалось, что даже в этом остроумном приколе Эйнштейн не был убеждён в бескрайности мироздания.

– Какие же условия ограничения этой бескрайности? – мучал себя Иосиф, рисуя в своём воображении различные космогонические схемы и стараясь придать им вид формул.

Его «вселенскую медитацию» неожиданно прервал стук, упавшего перед ним, предмета. При более внимательном рассмотрении это оказались, лежащие на снегу, три книги. Когда Иосиф нагнулся, чтобы поднять этот, как ему показалось позже, небесный подарок, он увидел, что все они относятся к математической науке. Первая книга называлась «Высшая математика и её приложения к физике», написал её член-корреспондент Академии наук, профессор Яков Борисович Зельдович. Автором второй под заголовком «Метод математической индукции»

являлся кандидат физико-математических наук Илья Самуилович Соминский, а третью книгу с названием «Неэлементарные задачи математики в элементарном изложении» сотворили профессора-близнецы Исаак Моисеевич и Акива Моисеевич Яглом. Иосиф сначала обратил внимание, что все, валявшиеся на снегу, книги были созданы советскими иудеями и лишь потом заметил, что они имеют отношение не к физике, а к математике. Он, ещё не успевший после своих мысленных скитаний по галактике спуститься с небес на землю, счёл, лежащие на снегу, учебники каким-то вселенским предвестием в своих теоретических изысканиях. Поднимая их, он всё ещё продолжал думать о, придуманных им, полюсах Вселенной, ограничивающих её бесконечность. Однако в то же мгновение его мысли буквально перерезал звонкий девичий смех и, донёсшаяся до его слуха, реплика:

– Спасибо, дружок, что спас математическую индукцию от проникновения в неё снежного покрова.

Нежное сопрано принадлежало лежащей на снегу его соученице Эльвире Башировой. Её коричневая шубка рельефно оттеняла белый сугроб, с которого она безуспешно пыталась выбраться.

– Как тебя в этот снежный нанос забросило? – участливо спросил Иосиф.

– Ты бы лучше помог девушке выбраться из него, – засмеялась Эльвира, – а то видишь ли учебники поднял, а меня значит оставляешь ночевать в снегу.

Он тут же озабоченно засуетился и попытался приподнять её за плечи. Однако его руки соскальзывали с промокшей шубы, не позволяя зацепиться им для упора. Тогда Эльвира, беспрерывно смеясь, протянула ему свои, втянутые в красные варежки, кисти рук. Когда же Иосиф с усилием потянул их на себя, она в ту же секунду рывком оторвалась от снега и, оказавшись вплотную к нему, обдала его своим горячим дыханием. Какое-то мгновение они, глаза в глаза, стояли, непроизвольно прижавшись друг к другу. Когда же он, испугавшись такого непредвиденного сближения, хотел оторваться от Эльвиры, она, привстав на цыпочки, повисла у него на шее. Тут же, не давая ему прийти в себя, она сначала несмело поцеловала его в щеку, а потом, расхрабрившись, накрыла его губы таким ошеломляющим безудержным поцелуем, что Иосиф почувствовал его проникновение буквально во все фибры своего тела. Не в силах оттолкнуть Эльвиру от себя, он в то же время не знал и не мог придумать, что ему делать в такой ситуации. Она же неистово продолжала целовать его с такой запальчивостью и страстью, как будто занималась этим всю жизнь.

Только потом Иосиф узнает, что падение Эльвиры в сугроб не было случайным, а, хорошо заранее продуманным, эпизодом с целью сблизиться с ним. Что же касается огнедышащего поцелуя, то это уже не было домашней заготовкой, а являлось подлинной импровизацией, идущей от тайников её, трепещущей в этот момент, души. Потом, когда они узнают друг друга поближе, Эльвира, не без доброго смеха, будет вспоминать, как Иосиф вместо того, чтобы хоть как-то ответить на её нежные притязания, стоял, как столб, засунув руки в карманы, словно ожидая, что последует дальше после поцелуя.

Но дальше ничего сногсшибательного не произошло. Осмелевшая Эльвира взяла его под руку и они, обоюдно делая вид, что не было этой поцелуйной вспышки, медленно брели по направлению к общежитию. На самом деле не только не произошло, а состоялось рождение взаимной любви двух юных и чистых сердец. Иосиф не хотел признаваться себе, что в момент, когда Эльвира целовала его, он не забыл о Вселенной, о которой думал до этого. Просто в этот момент она неожиданно расширила свои горизонты и замерцала по всей своей периферии яркими звёздочками, будоражащими его естество. Иосиф уже забыл, что искал в ней элементы какой-то ограниченности, которые прогнозировал учёный-физик. Теперь у него в мыслях вместо пышной седой шевелюры и умных глаз Альберта Эйнштейна возникало милое симпатичное личико и мягкие обволакивающие губы его однокашницы.

Последующие встречи Эльвиры и Иосифа не носили характер свиданий, когда влюблённый юноша под уличными часами ждёт свою любимую с букетом цветов. Юному физику, по правде говоря, и в голову не пришло бы дарить в заснеженную московскую зиму букет пылающих роз. Да и, по большому счёту, на них не было денег, которых итак едва хватало на жизненные необходимости. Максимум, что он мог выкроить из своего, более, чем скромного бюджета, это сводить Эльвиру в кинотеатр, покупая дешёвые билеты в последнем ряду, в котором, к тому же, можно было и беспрепятственно целоваться. Иногда у них получалось приобрести билеты на галёрку в один из московских театров.

Как-то, гуляя по центру Москвы, какой-то молодой человек, не дождавшись своей возлюбленной, отдал им безвозмездно билеты на концерт, знаменитого тогда, Аркадия Райкина. По окончании представления в гардеробе какой-то импозантный мужчина, блистая очками в дорогой роговой оправе, почти во всеуслышание проговорил своей спутнице в белоснежной шубе:

– Прекрасное выступление у Аркадия Исааковича. Талантливый артист. Ничего не поделаешь, эта гнилая интеллигенция жидовской национальности умеет и в искусстве устраиваться.

Наверное все, кто толпился в радиусе десяти метров от театральной раздевалки, услышали антисемитскую реплику этого сомнительного интеллектуала. Но никому из них и в голову не пришло встать на защиту, уважаемого многими, актёра. Поэтому, прозвучавший в тишине, тонкий голос Эльвиры вызвал лёгкое замешательство в толпе сценических ценителей. Она, без всякого стеснения и замешательства, буквально выкрикнула:

– Эй ты, очкарик примитивный! Где тебя только учили цивилизованным манерам? Да и вообще, кто запустил такого расиста в храм Мельпомены? Гнилой интеллигент это не народный артист Аркадий Райкин, а ты, собственной персоной, который, похоже, не слышал о равноправии всех наций в СССР.

Персона в роговых очках не стала дожидаться дальнейшего развития событий. Бросив на произвол судьбы свою вальяжную даму, она, в срочном порядке, ретировалась из помещения театра.

Монолог Эльвиры чуть ли не парализовал сознание Иосифа. Её гневная тирада, которая как по форме, так и по содержанию, являлась отповедью антисемиту, показала его подругу смелым и непримиримым борцом за справедливость. Когда они вышли на улицу и прошли несколько десятков метров, Эльвира заскользила по обледеневшему тротуару и рухнула на, появившийся за вечер, снежный нанос. Иосиф хотел было протянуть ей руку, чтобы выволить из белого сугроба, но она, гневно отвергая его помощь, сердито проворчала:

– Не надейся, на этот раз я не собираюсь целовать тебя. Не заслужил.

Потрясённый Иосиф так и застыл с протянутой рукой, не зная, что ответить рассерженной девушке. Эльвира же, отряхивая с шубы прилипший снег, раздражённо продолжила:

– Это же, кто из нас еврей, я или ты? Почему ты не вступился за свой народ?

Пристыженный Иосиф стоял, притаптывая ботинком свежевывавший снежок, не зная, что ответить. Он пристально вглядывался в, покрасневшее от досады, лицо Эльвиры, полагая, что в данном случае молчание это то золото, которое не даст ему поспорить с любимой девушкой. Повздорить всё-таки пришлось, так как она со слезами на глазах запричитала:

– Ну, скажи, пожалуйста, что этому четырёхглазому пижону евреи плохого сделали? Что учебники по математике, по которым я учусь, написали евреи или что физики Эйнштейн и Ландау принадлежат к иудейскому сословию. Или, может быть, меня, татарку по национальности, должно угнетать, что среди моих соотечественников нет великих математиков?

– Эля, милая моя, – решил, наконец, вставить слово Иосиф, – успокойся. Ну что ты налетела на этого очкарика, как будто он выражает мнение всего народа.

– Всего, не всего, – разозлилась Эльвира, – а определённой части, да. Ведь, кроме меня, никто даже не подумал сделать ему замечание.

– Да, не заморачивайся, ты на этой ерунде, – перебил её Иосиф, – наша задача заниматься математикой и физикой, а не влезать в дебри национального вопроса.

– Вот из-за таких молчунов, как ты, – пылала гневом Эльвира, – в нашем государстве и возникают проблемы.

– После этих слов, – засмеялся Иосиф, – тебе, милая, прямая дорога в Совет Национальностей Верховного Совета. Вот там и скажешь, что самая красивая девушка на свете, мусульманка Эльвира Баширова обрушилась с резкой критикой на иудея Иосифа Перельмана.

– Но, несмотря на это, – прервала его подруга, – они продолжают любить друг друга.

С этими словами Эльвира прижалась к Иосифу, продолжая орошать своими слезами его мокрое пальто.

Иосиф никогда не думал, что у любимой физики может появиться соперница в лице, ставшей не менее любимой, соученицы с именем Эльвира. Он в самом парадоксальном сне не представлял, что девушку можно любить не менее, чем науку, но, однако, и не более. Отправляясь из Казани в Москву, юноша думал, что будет прикован исключительно к физике. По правде говоря, он знал и любил только двух представительниц противоположного пола: мамочку Соню и сестричку Сталину. В школе, в противовес своим сверстникам, он никогда не заглядывался на одноклассниц, не дёргал их за косички в раннем возрасте и не фантазировал, что творится под их одеждами в отрочестве. Откровенно говоря, видел свою сестричку нагой, только в колясочном младенчестве. Поэтому, мысленно не прикидывал, да и, по большому счёту, не стремился вообразить себе, как выглядят обнажённые девушки.

Но жизнь, как правило, строится не по надуманным коллизиям. На занятиях по математике и физике Иосиф стал испуганно замечать за собой, что часто перестаёт следить за мыслью лектора и отвлекается от логики построения и вывода математических формул. В это время он отгонял от себя мысли об Эльвире. Но они, отскакивая от, написанных на доске, интегральных выражений, бумерангом возвращались к нему в виде, не очень-то и одетой Эльвиры. Иосиф и не предполагал, что этот полуэротический фантом сегодняшним вечером обратится в реальное созерцание. Так сложилось, что они сидели у неё в комнате, совместно решая очередную головоломную задачу по математике. Пока Эльвира вписывала в тетрадь неровные строчки формул, Иосиф, наметив уже в уме схему решения, незаметно низвергал свой взгляд на, игриво выглядывающие из под халата, её обнажённые ноги. Однако это только казалось, что его взор был скрытный. Это не прошло мимо внимания подруги. Заметив это, она стремительно соскочила со стула и, по сути дела, одним рывком запрыгнула на колени Иосифа. Тот же, не ожидавший такой неистовости от девушки, погружённой, казалось бы, в трансцендентные уравнения, откинулся назад и почти прилёг на кровати, на краешке которой восседал. Когда же Эльвира обвила его шею и приблизила свои губы к его лицу, его тело внезапно охватил какой-то, неведомый ранее, трепещущий спазм и он нечленораздельно пробормотал:

– Эля, милая, ты с ума сошла, что ты делаешь, мы же занимаемся математикой?

– Как ты догадался назвать меня Элей, – прошептала она, не отрывая рук от его шеи, – меня ведь так только мама называет. Это, наверное, исходит у тебя от любви ко мне.

– Я про математику, – опешил Иосиф, – а ты про любовь.

– Ни математика, ни физика твоя в лес не убегут, – засмеялась Эльвира, целуя его поочередно в обе щёки.

– А вот ты, красивый мальчик, – продолжила она, – можешь от меня ускользнуть. Но тебе это вряд ли удастся.

Иосиф молчал не зная, что ответить, а Эльвира, прежде, чем приблизить свои уста к его губам, успела мягко проронить:

– С этой минуты, Ося, я твой оберег, я буду тебя оберегать, как от всяких напастей и невзгод, так и от домогательств других девушек.

Иосиф не знал, что её то ли испанское, то ли татарское имя означает как «способная оберегать и защищать». Но в данный момент ему явно было не до выяснения корней происхождения её имени. Да и что мог думать, неискушённый в любовных утехах, нецелованный юноша, когда пылкая девушка пытается, по возможности профессионально, прикоснуться к его губам. Дрожащему от возбуждения Иосифу казалось, что её пылкий поцелуй длился целую вечность. Он не отдавал себе отчёта, что готов был продлить эту вечность до скончания, неизвестно каких, веков. Когда же, задыхающаяся от горячности и воодушевления, Эльвира мягко отстранилась от него, он не придумал ничего лучшего, как не совсем внятно пробубнить:

– Эля, мне кажется, что я люблю тебя!

– Тебе кажется, – расхохоталась Эльвира, – или это на самом деле. А мне представлялось, что будущим физикам никогда ничего не мерещится и они точно знают, решат они проблему или нет, любят они или просто притворяются.

– Эля, милая, – покраснел Иосиф, – мне кажется, что я, действительно очень люблю тебя.

– Так, кажется, – расплылась в улыбке Эльвира, – или действительно. Мне же чудится, мой целомудренный мальчик, что ты совсем не умеешь целоваться. Но, ничего страшного, научимся. Это, как в математике, несходящиеся числовые ряды иногда приближаются к сходящимся.

Иосиф хотел было спросить, откуда у неё такие глубокие познания в «целовальной» науке. Но в этот момент незапертая дверь внезапно отворилась и на пороге показалась соседка по комнате Настя Козловская. Она окинула подозрительным взглядом соскочившую с кровати физико-математическую пару и грозно промолвила:

– Эльвира, душевая свободна, можешь идти мыться.

Мастерица нежных поцелуев, как ошпаренная схватила вафельное полотенце и, поманив пальцем Иосифа за собой, выскочила из комнаты. В коридоре, трижды оглянувшись, она чмокнула его в щеку и, схватив за руку, потащила в конец прохода между комнатами. Когда они добежали до душевой, Эльвира скороговоркой, тоном, не допускающим возражения, прошептала ему на ухо:

– Значит так, Осенька! Так сказать, не в службу, а в нашу нерушимую дружбу. Ты же знаешь, что в этом общежитии живут одни мальчишки, поэтому крючка в душевой сроду не было. Поэтому, пока я буду принимать водные процедуры, покарауль, чтобы никто туда не зашёл.

Иосиф хотел было сказать, что он не очень пригоден для охранных функции и что он для этой цели позовёт Настю. Однако Эльвира тут же схватила его за руку и чуть ли насильно втащила в предбанник. Не ожидая никаких отговорок, она мгновенно заскочила в комнатёнку, где на полутреснувший плиточный пол из поржавевшего душа стекала вода. На какое-то миг дверь душевой приоткрылась, и Эльвира бросила в руки остолбеневшего Иосифа свой халатик, трусики и лифчик со словами:

– Повесь, пожалуйста, на вешалку и стереги, чтоб никто не украл, в том числе и меня.

Лишь на мгновение Иосиф запечатлел в своём сознании контуры обнажённого девичьего тела. Поражённый от увиденного, юноша боялся самому себе признаться, что оно, это мгновение, было не просто чудным, а самым, что ни есть чудесным. В какие-то доли секунды он зафиксировал, скорее даже не глазами, а мозговым подсознанием обворожительную геометрию женской телесности. Он, даже самому себе, боялся признаться, что был готов созерцать этот обнажённый призрак длительное время. У взбудораженного Иосифа появилось вдруг непреодолимое желание рвануть ручку двери на себя и уже никогда её не закрывать.

Даже в обыденной жизни иногда случается, что желаемое в одночасье превращается в действительное. Трудно сказать, что произошло для исполнения этого желаемого на небесах, но вдруг из душевой, как пробка от шампанского, с криком:

– Mamochka, родная, спасите, я, как в Антарктиде, сейчас замёрзну и умру от холода! – выскочила абсолютно нагая Эльвира и повисла на шее Иосифа.

Она упёрлась своими маленькими упругими, чуть заострёнными, грудями в вырез его рубашки и жалобно простонала:

– Что же ты стоишь, как чурбан необтёсанный, согрей девушку!

Оторопевший Иосиф что было сил прижал Эльвиру к себе, её груди от этого сплюснулись ещё сильнее, и она на мгновение перестала дрожать, беспрерывно втягивая его губы в свои. Задыхающийся от затянувшегося поцелуя, он на секунду отстранился от неё, чтобы снять с вешалки халат и накинуть на, снова начавшую вздрагивать от холода, девушку. Когда Иосиф снова повернулся к ней, она уже стояла спиной к нему, скрестив руки на трепещущемся оголённом бюсте, с которого стекали крупные струйки воды. Он увидел две женские лопатки, слегка прикрытые чёрными блестящими волосами, изящный остов нежной спинки, плавно переходящий в привлекательные ягодички с тонкой, почти воздушной складкой между ними. Эта потрясающая женская попа с притягивающей впадинкой между её округлыми половинками безмерно поразила помутневшее воображение Иосифа. Увиденное ошарашило его настолько, что он забыл набросить на мёрзнувшую Эльвиру халат, вычеркнул из памяти все постулаты Эйнштейна и, закрыв глаза, погрузился в какую-то чудодейственную нирвану. Вывел его из небытия еле слышный голосок подруги, который жалобно проскулил:

– Ося, я понимаю, что я тебе нравлюсь такой больше, чем в своей коричневой шубке. Но именно она мне сейчас не мешает.

Услышав её голос, Иосиф вздрогнул и повернулся к ней. При этом, ему пришлось вздрогнуть ещё раз. Его взгляду снова представился, поражающий любой плод фантазии, полностью голый шарообразный зад Эльвиры. Но на этот раз место, откуда росли её стройные ноги, обернулось к нему другой стороной, и он увидел между ними две складки, обрамлённые тёмным пушком. Подсмотренное заставило душевные силы покинуть Иосифа. Зато возбудились силы физические. Впервые в жизни он почувствовал себя не отроком, а мужчиной. Забыв обо всех правилах приличия, он бросился на мокрый пол и стал целовать обнажённые, ещё не высохшие, ноги. Постепенно, совершенно обезумевший от страсти, Иосиф приподнимал свои поцелуи всё выше, пока они не достигли возделенного лобка. В первый раз в жизни у него сработало мужское начало и сработало так, что он был готов идти до конца. Не трудно предположить, чем бы это могло обернуться, если бы кто-то не постучал в дверь и голосом Насти не спросил:

– Эльвира всё в порядке? Что-то ты застряла там.

Просто счастье, что она не открыла дверь. Да и вообще в тот день фортуна была на стороне пары, ещё не выбравшейся из душевой. Если бы комендантша или кто-нибудь другой из начальства засекли бы их вместе в столь колоритном обличье, оба, без суда и следствия, вылетели бы из интерната. Немного растерянная Эльвира и пылающий багровыми пятнами на лице Иосиф, как две птички, выпорхнули из душевой и разбежались по своим комнатам.

На следующий день в обеденный перерыв они встретились в столовой. Как всегда, Эльвира заняла место для Иосифа и поджидала его. Через несколько минут и он с подносом, на котором дымился горячий борщ и красовались «хлебные», как их называли учащиеся, котлеты, подошёл к столу. Не успел её кавалер и поднести ложку ко рту, как она тут же, без всяких предисловий и недомолвок, игриво спросила:

– Ну, как тебе Ося мой вчерашний стриптиз? Понравился?

Её визави, как и следовало ожидать, тут же подавился, пролив себе на брюки фиолетовый свекольник.

– Ой, Осенька, – кокетливо сверкнула она глазами, – извини, что испортила тебе аппетит.

Наэлектризованный её шаловливыми флюидами, Иосиф не нашёл ничего лучшего, как пробормотать:

– Ничего ты не испортила, но обедать что-то действительно расхотелось.

Взглянув на озадаченного юношу, Эльвира, кокетливо улыбаясь, обнадеживающе проворковала:

– Да, не переживай ты так, милый! Через неделю у нас каникулы. У моих родителей дача в Боровецком лесу. Там нам уже никто не мешает, мы с тобой по-настоящему отдохнём, как от математики, так и от физики.

– Где находится этот Боровецкий лес, – заинтересовался Иосиф, отложив ложку от тарелки, – слышится заманчиво.

– Да это на берегу Камы, возле Набережных Челнов, – воодушевилась Эльвира, – в 200 километрах от Казани. Тебе понравится.

После этого разговора в столовой, ночное время у Иосифа превратилось в бесконечный сериал эротических сновидений, героями которых были он и Эльвира. Его мысли витали в дебрях таинственного леса, из которого они с подружкой попадают в одну из комнат загородного дома, где всю ночь напролёт занимаются делами, не имеющими даже отдалённого отношения к физике и математике.

Однако реальная жизнь изобилует переменами декораций быстрее, чем в сериалах. Эльвира и Иосиф, действительно, приехали на каникулы в Казань. Но никакого леса, никакой дачи и никакой эротики не суждено было проявиться. И отнюдь не потому, что Эльвира кривила душой, предлагая эти прелести жизни своему возлюбленному. Если следовать хронологии развития дальнейших событий, то они выглядели следующим образом.

Буквально через день после приезда Иосиф пригласил Эльвиру к себе домой. В своих письмах с интерната он писал матери, с которой был больше откровенен, чем с отцом, что у него появилась фантастическая девушка, которую он очень любит. Мама Соня писала сыну в ответ, что ему всего 17 лет, что рано ещё влюбляться, что, одним словом, его посылали в Москву не жениться, а учиться. Она даже вспомнила в письме рассказ отца. Оказывается, один из его сокурсников, влюбившись в работницу ткацкой фабрики, бросил третий курс медицинского института, приговаривая при этом:

– Если любовь мешает учёбе, так брось её, проклятую, эту учёбу.

В ответ Иосиф писал, что любовь и учёба это вещи дополняющие, а не взаимоисключающие друг друга. Соне не очень нравились такие высказывания сына, но, когда Эльвира переступила порог её дома, она тут же поняла, что из-за этой очаровательной девушки можно бросить не только учёбу. Отец Иосифа, доктор Марк Перельман, всегда подчёркивал, что своё мнение о женщине он выносит не по её внешнему виду, а только тогда, когда она начинает говорить. Он, конечно, имел в виду не скорость и не количество высказываемых слов из её рта, а их качественную составляющую. Но и в этом ракурсе Эльвира была неотразима. Соня заметила, каким радостным блеском очерчивались глаза Марка, когда он разговаривал с подружкой сына. Сразу же стало ясно, что с ней есть о чём поговорить и что вышеуказанная составляющая была у неё на должном уровне.

Омрачила званый ужин у семьи Перельман лишь одна фраза, произнесённая Эльвирой. Когда кто-то за столом вспомнил, что сегодня рождество христово, она приподнялась со своего места и тихо, но внятно, произнесла:

– Я прошу прощения, но это ни ваш и ни мой праздник.

Отец Иосифа, хитро прищурился, спросил:

– Почему не наш, понятно. А вот, почему не твой, Эльвирочка?

– Да потому, что мы все живём в дружной семье народов СССР, – потупив глаза в стол, ответила она. – По этой причине, приход в религиозные храмы не приветствуется. Это, во-первых. Во-вторых, я по национальности татарка, хотя в мечеть тоже не хожу, как, полагаю, и вы не посещаете синагогу.

Это высказывание Эльвиры произвело на Марка и Соню эффект бомбы, которая, несомненно, разорвалась, если бы она находилась в их доме. Причём не столько слова «семья народов», «синагога» и «мечеть», сколько её национальность – татарка. Потом родители скажут

Иосифу, что в Эльвире им понравилось всё, абсолютно всё, кроме её национальности. Отец, поднимая большой палец вверх, назидательно произнёс:

– Послушай, сынок, Эльвира очень привлекательная девушка и есть за что любить её. Это видно даже невооружённым глазом.

– Нет, это ты послушай, папа, – рассердился Иосиф, – если ты дальше скажешь, что, однако есть и за что не любить её, то эта тирада не для моих ушей.

– Не любить её, – вступила в разговор мать, – можно только потому, что она не нашей веры.

– А я и не знал, мамочка – поддел её Иосиф, – что ты каждый день ходишь в синагогу вымаливать, не совершённые мною, грехи.

– Да и в чём, собственно, состоит мой грех, мамочка? – плаксиво спросил её сын, – неужели в том, что я искренне, совершенно чисто, полюбил замечательную девушку.

Отец хотел было, что то возразить ему, но Иосиф, приложив свой палец к его губам, с жаром продолжил:

– Жаль, что вы не видели, как Эльвира дала отпор одному антисемиту, который обозвал Райкина словом жид. Досадно, что не слышали, как она налетела на меня, что я промолчал при оскорблении моего, как вы это называете, единоверца. А вы говорите – татарка. Да она, если хотите знать, больше еврейка, чем я – еврей.

На следующий день Иосиф был приглашён на ужин в семью Башировых. Стол ломился от яств татарской кухни. Эльвира с видимым удовольствием накладывала Иосифу в тарелки деликатесы, поясняя при этом, что есть что.

– Вот это отварное мясо с лапшой называется бешбармак, справа от тебя – очень вкусная лепёшка под именем кыстыбый, а слева, обязательно попробуй обалденный пирог – зур-бэлиш.

Но главным деликатесом в застолье был отец Эльвиры, Закир Ренатович Баширов. Если не с первой, то уже со второй минуты знакомства с ним, Иосифу казалось, что они знали друг друга много лет. Он ошибочно полагал, что глава семьи Башировых работает художественным руководителем театра или редактором журнала или газеты. На самом деле Закир Ренатович был профессором, имел учёную степень доктора технических наук и работал заведующим кафедрой мелиорации в сельскохозяйственном институте. Несмотря на учёные регалии, это был контактный, общительный и очень обаятельный мужчина. Похоже, что дочка унаследовала от отца как когнитивные способности, так и искусство ненавязчивого общения.

Ужин удался на славу и, когда Иосиф уже собирался уходить с гостеприимного дома Башировых, Эльвира приблизилась к отцу и, взяв его под руку, попросила:

– Папочка, дорогой, мне нужны ключи от дачи. Я обещала Иосифу, что мы здорово отдохнём там от наших праведных физико-математических трудов.

Закир Ренатович посмотрел на Эльвиру каким-то странным обескураженным взглядом и виноватым голосом промолвил:

– Не хотел тебе говорить, дочка, в присутствии этого приятного молодого человека, но так получилось, что нет у нас дачи, нет у меня работы, нет квартиры, где мы сидим и нет для нас города Казани.

– Что значит, нет, папочка, – забеспокоилась Эльвира, – тебя что в тюрьму посадили с конфискацией имущества или ты так неудачно пошутил.

Она глянула на, незаметно вытирающую слёзы, мать и решительно потребовала рассказать ей, что происходит в доме.

– Тут, доченька, такое дело, – нерешительно вымолвил отец, – что меня переводят на другую работу в город Ташкент на должность ректора института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства.

– Что значит переводят? – сквозь слёзы промолвила Эльвира, – ты что не мог отказаться?

– Значит не мог, доченька. Меня вызвал к себе министр и не попросил, а, по сути дела, приказал. Кроме всего, пойми милая, это огромное продвижение в должности, значительное увеличение зарплаты и повышение статуса. К тому же, нам выдают пятикомнатную квартиру в центре города и машину с персональным водителем.

В какой-то момент Иосиф сообразил, что вряд ли уместным ему будет оставаться при разговоре, касающегося только членов семьи. Он тепло попрощался с растерянными родителями, ободряюще кивнул Эльвире и поспешил ретироваться прочь. Уже на улице она догнала его и скороговоркой произнесла:

– Прости за непредвиденное. Жду тебя завтра в полдень в кафе «Сказка».

Однако, встреча в кафе с чудодейственным названием ничего волшебного не принесла. Иосиф сразу заметил в глазах подруги ещё невысохшие слёзы.

– Что-то случилось, Эля? Надеюсь, ничего непоправимого, – участливо спросил он.

– Ты почти угадал, – прошептала она, доставая носовой платок, – произошло необратимое, то что нельзя повернуть в обратную сторону.

Иосиф, поглаживая её руки, сострадательно смотрел на всхлипывающую подругу, терпеливо ожидая, что она скажет. Он не узнавал в ней задорную, динамичную, всегда воинственно настроенную девушку, какой видел её в обычном повседневно. Эльвира, судорожно проглатывая окончания слов, с трудом выдавливая из себя:

– Пропали дни, а может быть и ночи, которые я мечтала провести с тобой на даче. А ведь я столько думала об этом, мне даже по ночам снилось, как мы с тобой целуемся на берегу Камы.

Из соображений скромности Иосиф счёл нужным не рассказывать Эльвире, что после обещаний их времяпровождения на даче, оно грезилось ему не только ночами, а даже днём, затмевая при этом витиеватые ряды математических формул. Всматриваясь в потухшие глаза друга, огорчённая до крайности, Эльвира продолжила:

– Ты не понимаешь, Осенька, что пропали не только дни и ночи, рухнуло всё, всё полетело ко всем чертям...

– Ничего не понимаю, – отозвался Иосиф, целуя ей руки, – что рухнуло, что полетело и где они эти черти?

Эльвира, не стесняясь людей, заполнивших кафе, взгромоздилась ему на колени и не своим голосом запричитала:

– Отец мой сказал, что через две недели мы должны переехать в Ташкент, что при этом я прекращаю учёбу в интернате, что меня там ждут другие, задуманные им, проекты.

При этих словах Эльвиры у Иосифа внезапно закружилась голова. Впервые, в своей не очень продолжительной жизни, у него что-то скрючилось в области сердца и он вдруг почувствовал острую боль в таких местах, которые врачи не могут определить. Похоже, что это стонали тайники души, известные только неведомым субстанциям на краях Вселенной. Когда вдруг в просторном окне кафе в крупных хлопьях ниспадающего снега исчезли вдруг искрящиеся лучи янтарного солнца, он явственно понял, что старик Эйнштейн не ошибался в утверждении об ограниченности мироздания.

Это космическое запределье сузилось ещё больше, когда поезд медленно отходил от платформы казанского вокзала и заплаканная Эльвира надрывно кричала:

– Ещё встретимся! Я люблю тебя очень, люблю-ю-ю!

Глава 6

Высотка на Воробьёвых горах

Три года учёбы в интернате пролетели, как несколько мгновений. Одним из них, наверное, самым чудным являлось время, проведённое с Эльвирой. Все остальные были связаны с накоплением глубоких знаний по, уже не элементарным, математике и физике. Да и на самом деле в каждом отрицательном явлении всегда надо искать положительные моменты. Разлука с любимой девушкой больно ударила по душевному состоянию Иосифа. Однако, с другой стороны, совсем ненавязчиво заставило его с утроенной энергией вникать в тончайшие нюансы изучаемых наук. Все выпускные экзамены он сдал на отлично, что позволило ему беспрепятственно, минуя витиеватый путь конкурсных вступительных испытаний, поступить на физический факультет столичного университета.

Это было достижением не только научным, а и, в некоторой степени, социальным. Ведь, если бы он сдавал вступительные экзамены на общих основаниях, то факт его провала на них совсем не исключался из-за записи в пятой графе советского паспорта. Поручкой тому было много еврейских фамилий, находившихся в списке, получивших неудовлетворительные оценки. Конечно, некорректно было бы думать, что все эти фамилии были внесены в этот список безосновательно. Однако, с большой долей вероятности, можно было предположить, что совсем небольшая часть из них находилась там незаслуженно. На устных экзаменах к ним придирались, задавались, так называемые, «вопросы на засыпку», ответы на которые требовали долгих рассуждений и сложных расчётов. На некоторые из них было просто невозможно ответить, другие просто не имели правильного ответа. По всему получалось, что эти вопросы были нужны не для того, чтобы проверить знания студентов, а для отсеивания «неудобных», к которым понятно, по непонятной причине, относились евреи.

Академик Сахаров отмечал, что одну из предлагавшихся еврейским абитуриентам задач он сам решил с трудом в результате часовой работы в условиях тишины и покоя у себя дома, а у абитуриента было всего 20 минут во время экзамена при недоброжелательном экзаменаторе. При этом академик использовал свой значительный опыт в решении сложных математических проблем, а также большой запас, совсем не школьных, знаний.

Академик Игорь Шафаревич, говоря о таких приёмных экзаменах, писал, что на них, по сути дела, происходила борьба, война с подростками еврейской национальности, почти детьми. Им задавали бессмысленные или двусмысленные вопросы, сбивающие с толку. Трудно было не заметить, что поступающих для экзаменов делят на две группы, находящихся в разных аудиториях, причём из одной выходили со сплошными двойками, а из другой – с четвёрками и пятёрками. Понятно, что в первой находились абитуриенты-евреи.

Подтверждением этого является обширное исследование, выполненное отцом одного из абитуриентов. В нём изучались результаты поступления на мехмат выпускников нескольких московских школ с углублённым изучением физики и математики, которые традиционно давали МГУ заметную часть лучших студентов. Здесь они также распределялись на две группы. Первая из указанных групп состояла из поступающих, среди родителей, дедов и бабушек которых нет ни одного еврея. Вторая группа составлялась из выпускников еврейской национальности этих же школ. Приёмным экзаменам на мехмат подверглось 64 выпускника указанных школ: 49 поступающих из них составили первую группу, 15 – вторую. В списках принятых оказался 41 человек из первой группы и двое из второй. Причём принятая абитуриентка второй группы оказалась дочерью профессора мехмата, второй принятый абитуриент этой группы был сыном известного физика-теоретика. Похожая картина наблюдалась в Московском инженерно-физическом институте (МИФИ), где первая группа составила 54 человека, из которых принято 36, вторая группа – 29, из которых поступили только трое. А в Московском физико-

техническом институте (МФТИ) – первая группа насчитывала 53 человека, из которых студентами стали 39, а вторая группа – 32 абитуриента дала четверых принятых.

Вряд ли такая статистика порадовала бы Иосифа. Ведь, несмотря на то, что он обладал прочными знаниями, вполне мог оказаться во второй группе среди «проваленных» непорядочными экзаменаторами. Нетрудно догадаться, что, если на его отце висело клеймо – сын «врага народа», то единственное, чем он провинился перед тем самым народом, что был сыном еврея.

Однако эти числовые данные не были известны Иосифу и он не находился среди абитуриентов, принимающих участие в конкурсе. Как бы там ни было, но выпускник физико-математического интерната Иосиф Перельман стал студентом физического факультета, как ему тогда казалось, самого лучшего университета в мире. Обрадованные родители, Марк и Соня, не верили своим глазам, когда сын предъявил им, ещё пахнувший типографской краской, студенческий билет Московского государственного университета.

Счастью Иосифа не было предела. С этим чувством он и переступил порог знаменитого учебного заведения. В первый же день учёбы он так спешил на первую лекцию, что на этом самом пороге главного корпуса сбил с ног пожилого седого мужчину. Когда Иосиф, с тысячами извинениями, приподнял его с пола, тот, отряхивая свой костюм от пыли, с виноватой улыбкой спросил:

– И куда вы так мчитесь, что академиков на ходу опрокидываете?

Растерянный Иосиф едва слышно пробормотал в ответ:

– Извините, товарищ академик, у меня первая лекция по математике в этом университете, мне никак нельзя опаздывать.

– Похоже, что мы с вами вместе опаздываем, – улыбнулся академик, – как раз я и читаю вам эту лекцию.

– Так что давайте знакомиться, – непринуждённо продолжил он, протягивая руку, – я ректор университета академик Петровский, а вы.

– А я, первокурсник Иосиф Перельман, – дрожащим голосом произнёс недавний абитуриент.

Когда он назвал свою, не очень форматную для этого храма науки, фамилию, ему подумалось, что вряд ли она произведёт на ректора неизгладимое впечатление. Он поймал на себе удивлённый взгляд академика, в котором, якобы, читалось:

– И как это, парень, я пропустил тебя в свои владения? Неувязочка какая-то приключилась.

Впрочем, Иосиф был никудышным читателем чужих мыслей. Да и откуда было ему знать, что когда в 1951 году вопрос о назначении Петровского рассматривался на заседании Политбюро ЦК КПСС, выяснилось, что он был беспартийный. Тогда Сталин спросил у членов Политбюро:

– Ну, а человек-то он наш?

Маленков ответил, что Петровский, несомненно, наш, советский человек. После чего Петровского утвердили на должность ректора. При этом Сталин обнадёжил всех, сказав:

– Всё равно он будет в нашей партии.

Но надежда Сталина не подтвердилась. Академик Петровский так и не подал заявление о вступлении в партию, несмотря на то, что более двадцати лет на посту ректора руководил МГУ. Не секрет, что партийная организация университета терпеть не могла академика Петровского, проводившего линию, противоположную той, на которую она опиралась. Это касалось также и политике проведения конкурсных экзаменов, вообще, и отношению к приёму в университет представителей еврейской национальности, в частности. Трудно сказать, как ректор, в этом отношении, проводил свои взгляды в жизнь. Однако академик Яков Григорьевич Синай, профессор МГУ, а потом профессор Принстонского университета вспоминал, что вступительный экзамен по математике при поступлении в Московский университет он не сдал

по причинам, причастным к его анкете. Тогда ученики его деда, которые тогда работали в университете, пошли к ректору Петровскому. История умалчивает, как прошла процедура исправления результатов вступительного экзамена, но будущий академик, еврейский мальчик Яша, стал полноправным студентом МГУ.

Известный физик Юрий Черняк вспоминал, что история его жизни в МГУ тоже была связана с пятым пунктом советского паспорта. Началось с того, что, несмотря на отлично сданные экзамены, он не был зачислен на учёбу. С 1956 по 1967 год было короткое «окно», когда появилась небольшая квота по приёму евреев на вечернее отделение. Так Юрий стал студентом физического факультета. При этом у него появилась мысль окончить университет за три года. Будучи студентом первого курса, он на одни пятёрки сдал экзамены по математике и теоретической физике за пять семестров, только по истории КПСС была тройка. По настоянию ректора Петровского Юрия перевели на дневное отделение. Но радоваться было рано, декан факультета, большой антисемит, устроил ему ловушку: благодаря его козням, студент Черняк сдавал часть экзаменов после сессии. За это его исключили с нелепой формулировкой «академическая неуспеваемость». С дрожью в ногах он переступил порог кабинета ректора Петровского, которому рассказал о произошедшем. Посмотрев зачётку Юрия, академик рассвирепел и, схватив телефонную трубку, позвонил декану и тут же выпалил:

– Если бы у меня был такой студент, я бы каждое утро за ним посылал машину, а потом отвозил обратно. Я считал бы за честь иметь его на факультете, а вы его отчисляете за неуспеваемость.

Сомнительно, что тоже самое Политбюро ЦК, которое утвердило Петровского ректором, одобрило бы его за эти поступки.

В начале лекции академик Петровский, обращаясь к первокурсникам физического факультета, сказал:

– Вы никогда и нигде не встретите столько талантливых людей на одном квадратном метре площади, как в МГУ.

Академик был абсолютно прав. Это касалось, может быть не совсем в равной степени, как преподавателей, так и студентов.

– Чем МГУ отличается от других вузов? – как бы сам себя спросил ректор.

– Только коллективом, – ответил он уже студентам. – Ведь язык науки один и тот же во всём мире, а вот диалекты разные. Ведь университет – это, прежде всего, люди в данный момент времени. У нас же собрались такие люди, которые понимают свою задачу. Мы обучаем студентов по своим собственным стандартам и стандарты эти очень высокие.

Только потом Иосиф поймёт, что перед студентами ставились вовсе непростые задачи. Вместе с тем, давались большие возможности, в соответствии с которыми каждый мог реализовать себя в выбранной области физической науки. Однако поначалу необходимо было срочно войти в этот непростой и тернистый, но в тоже время захватывающий ритм студенческой жизни. Несмотря на то, что Иосиф прошёл горнило интерната, нелегко было окунуться в научное многообразие изучаемых предметов. Его просто поглотил настоящий калейдоскоп теоретических лекции и практических семинаров, нескончаемая круговерть различных коллоквиумов и лабораторных занятий, сложные курсовые проекты и рефераты по различной тематике. Хотелось успеть проработать все установки наставников, разобраться в хитросплетениях задаваемых задач и поучаствовать в исследованиях, предлагаемых преподавателями. Самым увлекательным в дальнейшем обучении для Иосифа, пожалуй, была возможность поработать, так сказать, на переднем крае науки и приложить свои наработки в процессе экспериментального подтверждения новых теоретических идей и гипотез. От всего этого кружилась голова, иногда подгибались ноги и слегка дрожали руки, но это было высшим мерилем счастья, которое он получал в университете.

Когда между парами занятий выдавалось свободное окно, Иосиф бродил по запутанным коридорам высотного здания университета. В этом хаотичном перемещении по практически необозримой топологии главного корпуса, он находил какой-то, никому непонятный, блаженный восторг. Да и, по правде говоря, было, чем восхищаться. Так называемая сталинская высотка на Воробьёвых горах была всего на год старше Иосифа. В те годы это было самое высокое здание в Европе. Ни птицы, ни люди ничего подобного в Москве никогда не видели. Иосиф не знал, что если бы он сумел обойти все многокилометровые коридоры этого здания, то увидел бы по его сторонам 50 тысяч помещений, которые достигали на 32 этаже высоту 180 метров. Многие профессора университета утверждали, что, возможно, благодаря этому уникальному зданию, страна заняла лидирующие позиции в науке и в образовании.

Несколько меньший, а точнее, никакой восторг не вызывало у Иосифа общежитие. Когда он впервые переступил его казённый порог, уже при входе ему бросилось в глаза нечто похожее на афишу. Она совсем не являла собой анонс какого-то будущего мероприятия, скорее это была некая таблица запретов, в которой рефреном шла строка «не должен». Это был, по сути дела, нелепый припев к грустной песне, посреди которой были угрожающие слова: студент не должен являться в общежитие позднее 22.00, не должен появляться в нетрезвом виде, не должен курить в комнате и в коридоре, не должен приводить к себе в комнату девушек (парней) и т. д. и т. п.

В комнате с Иосифом жили ещё два парня. Один из них, Володя Великанов из древнего города Мурома, когда впервые вошёл в каптёрку (так он по армейскому сленгу назвал их жилое помещение), вместо приветствия приклеил на задней стороне двери свой анонс, который он назвал заповедями для проживающих. Эти предписания, заимствованные им, по его признанию, со стен общежития космонавтов, гласили следующее.

1. Биоритмы у всех разные. «Жаворонки» в 6 утра уже на ногах, «голуби» просыпаются в 8 часов, а «совы» могут спать до обеда. Поэтому старайтесь не шуметь ночью и рано утром.

2. Опасайся уродливости бытия. Встал с постели – прибери вокруг себя. Поел, попил – вымой посуду.

3. Постучи в дверь, в том числе и в свою, неизвестно, чем в данный момент занимается твой сосед.

4. Лучше заниматься образованием или наукой не в комнате, а в библиотеке.

5. Будь открытым и коммуникабельным.

6. Будь толерантным, ведь общежитие это весь мир в миниатюре.

7. Готовить – дешевле по деньгам и для здоровья. Это лучше, чем есть всякую дрянь в общепите.

Выполнение предписаний, вывешенных при входе, было для Иосифа совсем не обременительно, поскольку он в жизни не выкурил ни одной сигареты, вкус спиртных напитков был ему малоизвестен, а мысль заводить чужих девушек в комнату ему даже в голову не приходила. Зато заповедям Володи Великанова он пользовался неукоснительно. С ними, и в самом деле, жить было легче. К тому же, несмотря, что Володя из Мурома своим могучим телосложением был похож на богатыря Илью Муромца, он отличался невиданным добродушием и покладистым нравом. Третьим соседом оказался не очень разговорчивый, но очень серьёзный Толик Титаренко из украинского города Львов. Так сложилось, что именно эта троица получит красные дипломы с отличием по окончанию университета. Вполне возможно, что в немалой степени этому способствовало и выполнение ими всех заповедей совместного проживания. Но, разумеется, в намного большей степени это произошло потому, что Толик прикрепил к каждой их двух, свободных от окна и входной двери, стенок две красивые картонки. На одной из них было написано: «Ввиду краткости нашей жизни мы не можем позволить себе роскошь заниматься вопросами, не обещающими новых результатов», на другой: «Из ничего – ничего и происходит». Обе цитаты принадлежали любимцу Анатолия, величайшему физика нашей эпохи

Льву Ландау. Поскольку кумиром Иосифа был Альберт Эйнштейн, то Владимиру не оставалось ничего другого, как считать своими идолами и того, и другого. Вполне уместно предположить, что именно они и стимулировали эту троицу стать настоящими физиками и сформировали из них блестящих учёных в будущем.

Володя Великанов, кроме физики, очень любил футбол, причём не столько играть, сколько ходить на стадион. Вместе с тем, деньги на посещение стадиона, чтобы посмотреть игру любимой команды «Спартак», были далеко не всегда. Поэтому, ему часто приходилось слушать трансляцию матчей голосами, любимого футбольными фанатами, диктора Вадима Синявского. Придя как-то с футбольной биржи, Володя, решив повеселить друзей, рассказал им анекдот: возвращались как-то известный диктор радио Юрий Левитан и спортивный комментатор Вадим Синявский после работы домой и разговорились о том, что их относят к числу самых известных в стране людей.

– Давай проверим, – предложил Синявский.

Они зашли во двор, где ребята гоняли футбольный мяч. На вопрос:

– Ребята, угадайте, кто мы такие? – последовал однозначный ответ, – Жиды!

Вместо ожидаемого смеха, Толик за спиной Иосифа покрутил пальцем у виска, показывая другой рукой на соседа. Володя ещё не успел сообразить, что к чему, как Иосиф, резко повернувшись к нему, громогласно, чуть ли не по слогам, отчеканил:

– Тебе не кажется, не совсем уважаемый приятель, что за такие анекдоты морду бьют.

Пока абориген Муромы соображал, как его тщедушный сосед по каптёрке собирается хлестать его по физиономии, Иосиф, размахивая руками, прокричал:

– В таком случае, если тебя на лекции спросят, кто такие, Эйнштейн и Ландау, предлагаю тебе тоже раскатисто, чтоб все слышали, заявить:

– Жиды!

У Владимира на глазах выступили слёзы, он приблизился почти вплотную к Иосифу и чуть слышно промолвил:

– Прошу тебя, бей, бей, как можно сильнее! Заслужил! Только помни, сорвалось с языка. Не хотел обидеть ни тебя, ни тем более великих физиков, в которых, поверь, я души не чаю.

Вечером, несмотря на запрет, он притащил купленную на последние деньги четвертушку водки и водрузил её на стол вместе с несколькими солёными огурцами, чёрным хлебом и кусочками сала. Перехватив недоумённый взгляд сожителей, он не очень внятно пробормотал:

– Так получилось, что я нарушил толерантность, которая обозначена в заповедях, лично мною вывешенных на двери. Прошу меня простить, клянусь, что больше такое не повторится.

– А причём здесь водка, – мрачно спросил Толик.

– Просто я хотел бы, – плаксиво промямлил Володя, – чтобы мы, в знак моей клятвы, выпили за наше русско-украинско-еврейское содружество не только во время учёбы, а и крепчили его в течение всей жизни.

Приятель, будучи не в силах отклонить столь торжественный тост, закашлявшись, пригубил водочный напиток. Почти полная четвертушка ещё долго лежала в шкафу, пока не была использована на компрессы в медицинских целях.

Что же касается Володи Великанова, то буквально через несколько месяцев он полностью реабилитировал себя перед Иосифом, когда отработанным боксёрским ударом сбил с ног старшекурсника. На заседании комсомольского бюро факультета Владимиру хотели вынести строгий выговор. Однако, когда он гневно проронил секретарю бюро:

– А ты бы не сделал тоже самое, когда студент, получивший двойку на экзамене, обозвал профессора Шварцмана «жидом пархатым».

Поскольку рассмотрение персонального дела комсомольца Владимира Великанова получило широкую огласку на факультете, то оно автоматически перешло на осуждение студента, оскорбившего профессора. Принцип пролетарского интернационализма в данном случае был

соблюдён. Похоже, что принцип был взят Володей на всеобъемлющее вооружение и в дальнейшем. Поручкой тому являлся факт его скоротечной женитьбы на студентке столичного медицинского института Ирине Абрамовне Гофман. Злые языки утверждали, что это было связано с московской пропиской будущей супруги. Однако, кто-кто, а Иосиф абсолютно точно знал, что основой их брака было небывалое, ярко вспыхнувшее чувство, неистраченной до этого, взаимной любви.

Глава 7

От сессии до сессии

В один из дней Иосиф в качестве донора безвозмездно сдавал кровь, в результате чего получил освобождение от занятий. Не так часто выдавалось у него время для ничего неделания. Да, по правде говоря, и слова он такого не знал. Библиотека, в которой он хотел ознакомиться с новой периодикой по физике, оказалась на санитарном дне. Пришлось вспомнить, что в московском институте геодезии и картографии учится его казанский одноклассник, которого Иосиф и решил навестить. Благо общежитие находилось недалеко от Курского вокзала, возле которого он в данный момент находился.

Войдя в комнату, где жил Камиль, Иосиф сразу почувствовал затхлый запах сигаретного дыма и спиртного. За столом вместе с его приятелем сидели ещё один парень, который наливал в давно немые стаканы что-то из бутылки, на этикетке которой было написано «Солнцедар». Иосиф и не ведал, что содержимым этой ёмкости являлось низкосортное крепленое вино, которое окрестили правильным названием «бормотуха». Видимо, после его распития потребитель излагал свои мысли не очень членораздельно.

Увидев на пороге Иосифа, Камиль бросился к нему и, крепко обняв его за плечи, радостно завопил:

– Вот и кореш мой объявился, как раз во время, третьим будешь.

Несмотря на свою отдалённость от выпивающего братства, Иосифу, конечно, было известно, что при развитии социализма было принято выпивать «на троих». Традиция упиралась своими корнями в стоимость бутылки водки, которая стоила два рубля восемьдесят семь копеек. Вместе с закуской, плавленым сырком «Дружба» по цене 13 копеек, получалось ровно 3 рубля. То есть, чтобы выпить водки и закусить, выходило точно по рублю с потребительского носа. А рубль обычно жена выдавала мужу каждый день на обед. Вот и соображали страждущие на троих.

Иосиф, разумеется, не горел желанием быть третьим, четвёртым или даже пятым. Но выпивающий народ считал «отказника» либо больным, либо крайне неуважающим своих собутыльников. Поскольку и это не было секретом для Иосифа, он посчитал нужным оправдаться:

– Ребята, извините, мне сегодня нельзя, я сегодня сдал поллитра крови.

Собутыльник Камилля, протягивая ему стакан, радостно провозгласил:

– Пей, дорогой, не стесняйся, от этого напитка твоя кровь будет только здоровее.

Камиль, зная непьющий нрав своего одноклассника, сбивчиво прогнусавил:

– Да, отстань ты от него. Не видишь, что моему другу сегодня нельзя.

Неизвестно, чем бы закончилась эта перепалка, если бы в комнату не ввалился какой-то блондин с яркой девушкой, явно восточного происхождения. Он тут же залпом осушил, предназначенный для Иосифа стакан, и, подмигнув ему, что-то прошептал Камиллю на ухо. Тот тут же подхватил своего однокашника под руку и вывел из комнаты. За ними поспешно ретировался из комнаты и собутыльник.

– Что случилось, Камиль? – недоумённо спросил Иосиф, – пожар, землетрясение или потоп.

– Можно и так сказать, – рассмеялся Камиль, – просто Валентин должен срочно переспать с Гульнаррой. Мы об этом заранее договаривались.

Сказать, что Иосиф был в шоке от слов одноклассника, успев про себя вспомнить слова римского оратора Цицерона «О времена! О нравы!», означало сказать ничего. Обернувшись на стук закрываемой двери, он увидел на ней, незамеченную ранее, выписанную красной гуашью, надпись «Прежде, чем зайти сюда, подумай, нужен ли ты здесь!», чуть ниже, уже зелё-

ным цветом, красовалась ещё одна текстовка «Рефракция – продажная девка империализма!». Если первая реляция просто вызывала недоумение, то вторая порождала вопросы. Иосиф знал, например, что рефракция есть не что иное, как преломление световых лучей. Но какое отношение это оптическое явление имело к проституткам и социальному строю, было выше его знаний как в физике, так и в социологии.

Пока он раздумывал о гносеологических корнях прочитанного, Камиль дёрнул его за локоть и буквально втолкнул его в дверь, противоположную от «рефракционной». Прежде, чем переступить порог ещё одной комнаты геодезического общежития, Иосиф успел краем глаза заметить при её входе ещё один вывешенный шедевр, который скромно гласил: «Чего хочет женщина, того хочет Бог, – но только Бог и знает, чего она хочет! Поэтому, есть женщина – есть проблема, нет женщины – тоже проблема». Когда же, Камиль втолкнул его вовнутрь со словами:

– Девочки! Знакомьтесь, это мой друг Ося, мы вместе с ним учились в школе, – одна из них, привлекательная брюнетка, оторвавшись, от рамочного зеркала, стоявшего на столе, заворожено выпалила:

– Ой, какой красавчик! Там у вас в Казани все мальчики такие привлекательные. А я думала, что все татары на Чингисхана похожи.

Иосиф хотел было сказать, что Чингисхан вовсе не татарин, а монгол, а также раскрыть, кто он на самом деле по национальности. Но Камиль, предвидя этот опрометчивый шаг, сквозь смех решительно фыркнул:

– Какая разница, Рита? Татары, монголы или татаро-монголы. Абсолютно неважно. Важно только то, что Ося учится в МГУ на физическом факультете.

– Ничего себе студентик, – вступила в разговор рыжеволосая Анечка, – ты и в самом деле соизволил спуститься к нам с ваших богемных Воробьёвых гор.

Третья «проблема», в обличии миловидной толстушки Даши, тут же саркастически, поинтересовалась:

– А может талантливый физик решит нам задачки по инструментальной оптике наших приборов, которые нам, как раз завтра, необходимо вклинить в проект.

– Нет проблем, – тут же откликнулся Иосиф, – всё будет сделано в лучшем виде.

– Проблема в твоём глубоком заблуждении, – язвительно проронила Рита, – сомневаюсь, что даже в течении часа ты сможешь решить такие специфические задачи.

Не прошло и пяти минут, как Иосиф придвинул Рите несколько листочков с решением около десятка задач, выписанных с объяснениями разборчивым почерком.

Рита, выдыхая в приоткрытую форточку сладковатый дымок от сигареты «Ява», мечтательно заключила:

– Ты посмотри, какой умный, а я думала просто милашка-мальчик, на Ален Делона схожий. Спасибо тебе!

– Одним спасибо не отделаешься, – возник вдруг из небытия, задремавший Камиль, – положен Осе поцелуй от красивой девушки.

Рита тут же подбежала к Иосифу и наградила его таким всепроникающим засосом, которого он даже от Эльвиры не устаивался. Он ещё не успел отдышаться от этой, такой неожиданной и в тоже время приятной, акции проблемной геодезистки, как она, не отпуская своих рук с его плеч, томно прошептала ему на ухо:

– Если хочешь большего, прелестник, оставайся на ночь у нас в общежитии. Обещаю, что найду место для всеобщего расслабления.

С одной стороны, Иосиф не понимал, как чужому человеку можно оставаться в месте, где он не живёт. С другой, юный физик пытался себе внушить, что под расслаблением он и Рита понимают не одно и тоже. Но присутствовала здесь ещё и третья сторона. У апологета теоретической физики вдруг разыграло то, что называют мужским началом. Причиной тому являлась

не только жгучая красотка Рита Полякова из сибирского града под названием Омск. Весь сыр-бор касательно женского аспекта вклинился в мозговые извилины Иосифа из-за информации, пересказанной не только студентами, а и преподавателями физического факультета МГУ.

Речь шла о величайшем физике Ландау. Поговаривали, что когда он шёл гулять по дачному посёлку, он внимательно осматривал всех, встречавшихся ему, женщин, внимательно обозревая, прежде всего, фигуру каждой из них. Ведь совсем не даром на одном из философских семинаров другой физик-теоретик, академик Яков Зельдович сказал:

– Формы должны быть такими, чтобы их хотелось взять на содержание.

Что же касается, Ландау, то, ни одна женщина не уходила от него недовольной. Получалось, что его, и на самом деле, боготворили дамы всех возрастов и вероисповеданий. При этом, Лев Ландау заводил множество адюльтеров, оставаясь при этом продолжать жить со своей женой. О его сексуальных похождениях ходили легенды. В принципе, всё это было из области «хотите верьте, хотите нет». Только через 40 лет после смерти учёного на экраны кинотеатров России выйдет фильм «Мой муж – гений», в котором его создатели полностью подтвердят вышеотмеченное.

В этом ракурсе у Иосифа стали появляться шальные мысли о том, что, может быть можно, известное выражение трактовать и в несколько иной форме, т.е. «Что позволено Юпитеру, то позволено и быку». Здесь подразумевалось, что он выступает в роли быка, которому следует учиться у кумира не только постигать квантовую физику, а и не чуждаться притяжения к красивым женщинам. Только вчера ночью, ворочаясь от бессонницы, Иосиф раздумывал об этом. Уснул он только под утро, причём приснилась ему какая-то обольстительная, без одежд, очаровашка, с которой он лежит на багряно-жёлтой листве среди осеннего леса. А уже сегодня, возникшая из ниоткуда, изящная и привлекательная Рита Полякова предлагает ему нечто из области приснившегося.

Пока Иосиф прикидывал «Что делать» и «Кто виноват», Рита, не давая ему опомниться, схватила его за руку и, вытолкнув в коридор, громким шёпотом взволнованно прошептала:

– Послушай, мальчик мой нецелованный, тут проживает не элита из МГУ, а пролетарское студенчество.

– Ты имеешь в виду, – перебил её Иосиф, читая очередную вывеску на одной из дверей, – что здесь находится, беспокойный и горячий народ геодезистов-полевиков.

– Именно так, мой Ален Делон, – подтвердила Рита, – да и ночь у нас, под стать им, будет такой же беспокойной и горячей.

От этих слов у Иосифа похолодело под сердцем. Он судорожно оглянулся вокруг себя, будто его вели на эшафот, но ничего подозрительного не заметил. Перед ним тянулся всё тот же полутёмный коридор, слегка подсвечиваемый рядом тусклых лампочек на прокопчённом потолке. Камиль куда-то незаметно исчез в этом перегоне, а Рита, прижимаясь к нему, продолжала ворковать что-то, не долетающее до слуха озабоченного Иосифа. Он услышал только обрывок её последней тирады:

– Осенька, милый, притормози, ты куда так разогнался. Станция Березай, приехали.

Прибауточной станцией Березай оказалась комната под чёртовым номером 13. Не успела Рита приоткрыть эту дверь, как оттуда раздался хор нетрезвых голосов, поющих «ночь мы прогуляли, день мы проболтали, а потом не знаем ни бум-бум, так выпьем за гуляющих, за ничего не знающих, так выпьем за проспавших, за сессию не сдавших, так выпьем за сдающих наобум».

– Ничего себе, текстовка, – поразился про себя Иосиф, – у нас таких песен не поют.

Не успел он переварить услышанные слова, как, увидев на пороге Риту, один из парней преподнёс ей эмалированную кружку с вином, а весёлый гитарист, сменив тональность, скороговоркой пропел: «Так наливай студент студентке, студентки тоже пьют вино, непьющие сту-

дентки – редки, они все вымерли давно». Рита, на ходу поправляя аккомпаниатора, тут же уточнила:

– Не вымерли. Они все замужем давно.

Она подскочила к одному из ребят, сидевших за столом, и, чмокнув его, совсем не так, как Иосифа, в щеку, радостно прошептала:

– С днём рождения, Славик! Что бы ты дождался до предстоящей сессии и сдал её. Вот тебе мой скромный подарок.

При этих словах она вытащила из бумажного пакета, который держала в руках, бутылку водки «Столичная».

– Ничего, себе скромный, – радостно проблеял именинник, – стоит целых три рубля и ещё семь копеек в придачу. Ты что, мать, повышенную стипендию получила?

– Да у меня в этом семестре вообще нет стипендии, – без сожаления брякнула Рита, – просто у меня папочка заколачивает неплохие деньги, работая водителем на международных перевозках в Совтрансавто.

– Уважаю твоего папочку, – торжественно провозгласил Славик, разливая водку в, неизвестно откуда взявшиеся, шаровидные банки, применяющиеся при простуде.

Протягивая этот лечебный сосудик и Иосифу, в его не очень трезвых извилинах что-то просветлело и он тут же прохрипел:

– А ты кто такой, откуда будешь?

Иосиф, не переставая думать, что же произойдёт сегодняшней ночью, невпопад ответил:

– Я из Казани.

– Значит, сиротой казанской будешь, – понизив голос, скаламбурил Славик.

– Прекращай свой допрос, именинник, – перебила его Рита, – это Иосиф, ни мало, ни много студент-физик из МГУ, мой новый бойфренд.

Иосиф впервые слышал новое для него словосочетание, однако, несмотря на скудный лексикон английского языка, сумел соединить существительные «мальчик» и «друг» в одно. Когда удалось понять, что Рита презентует новоявленного друга как своего возлюбленного, создалось впечатление, что его как бы в звании повысили, вроде, как ефрейтора произвели в генералы. Но до генеральских погон, в смысле исполнения эротических фантазий Иосифа, было ещё рано. В этот момент он так проникся амурным миражом, что на полном автомате, не осознавая своих действий, выпил водку из банки, предназначенной для прикладывания на спину. Зато, буквально, через несколько минут он уже в полной степени осмыслил, что совершил не совсем пристойное действие, хоть и сделал это первый раз в жизни. Сразу же запершило в горле, сильно закружилась голова, а в ногах появилось ощущение, что кости там заменили ватой. Рита, взглянув на чуть порозовевшего бойфренда, оценила его изменившееся состояние с высоты своей привлекающей женственности. Она усадила Иосифа на стул, не забыв при этом взгромоздиться ему на колени, приблизила свои зовущие губы к его устам на близкое, но в тоже время на недостижимое расстояние и нежно пропела:

– Если хочешь поцеловать красивую девочку, то непременно выпей ещё одну рюмочку.

Пьянеющему от мизерной дозы алкоголя Иосифу, очень хотелось поцеловать Риту. В той же степени ему совсем не хотелось принять ещё одну баночную дозу хмельного зелья. Но оказалось, что за всё в этой жизни надо платить. Свалившаяся с неба, подружка категорически отказывалась наградить его горячим поцелуем, совершение которого завладело мыслями Иосифа. Не отдавая себе отчёта, что будет дальше, он залпом, как настоящий алкаш, осушил, протянутую Ритой баночку. Ну а дальше его окутало что-то похожее на, неощущаемую ранее, эйфорию. Сквозь туман до него долетали простые гитарные аккорды и слова студенческого шлягера, что мол живут студенты весело от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год. Несмотря на хмельное марево, всё больше заползающее в его голову, Иосифу казалось, что

он продолжает мыслить диалектически. Он, придерживая одной рукой Риту за талию, другой схватился за гитарный гриф, который упирался ему в плечо, путанно пролепетал:

– Я не понимаю, как можно жить весело от сессии до сессии. До сессии надо тяжело работать, чтобы постигнуть...

– Что постигнуть, отличник, ты наш, – засмеялся гитарист, отстраняя от него гриф, на котором он медленно перебирал струны.

– Постигнуть то, – чуть ли не по слогам вторил Иосиф, – что ты должен проверить во время сессии.

– Все слышали? – ухмыльнулся Славик, – казанский сирота открыл нам Америку. Он, что не знает, что мы аккуратно готовимся к экзамену: старательно пишем шпаргалки и тщательно заготавливаем «бомбы». Ну а девушки на прекрасной части своих ножек, скрываемых длинной юбкой, пишут формулы.

От обилия полученной и неведомой информации Иосиф стал даже постепенно трезветь. Он медленно повторял про себя:

– Надо же, на ногах пишут формулы. Даже Ландау до этого не додумался.

Он медленно переваривал, сказанное Славиком, пока в его, воспалённом от водки, мозгу снова не прорезалось услышанное слово «бомба». Он тут же стеснительно протянул:

– А что за такие боевые снаряды вы используете на экзаменах?

– Ты не знаешь, красавчик мой, что такое, бомба, – искренне промурлыкала Рита, прижимаясь к нему своими округлыми грудями.

От этого прикосновения у Иосифа снова закружилась голова и он уже не слышал, как кто-то из геодезистов объяснял ему:

– Понятие «бомба», дорогой товарищ, физик, представляет собой не что иное, как готовые ответы на таких же листах, как выдают на экзамене. Весь фокус заключается в том, что надлежит незаметно найти нужный лист в, специально вшитом, накладном кармане пиджака и выложить его на стол.

Когда Рита, отодвинула свой притягивающий бюст от груди Иосифа, до его слуха долетела только заключительная фраза специалиста по сдаче экзамена:

– Таким образом, задача студента, сдающего экзамен, это списать ответ на вопрос, а цель преподавателя – поймать его за этим благородным занятием.

Когда Рита соскользнула с коленей Иосифа, чтобы заполнить баночки очередной дозой «Столичной», мысли его на какое-то мгновение вернулись в привычное русло и он, нервно передёрнув плечами, заключил:

– Вы уж простите меня пьяного. Я такой же студент, как и вы. Но категорически не приемлю того, что происходит у вас.

В это время Рита, женским чутьём осознав, что подопечный отвлекается от намеченного ею курса, резко прервала эту речь, пытаясь влить в него очередную порцию спиртного. Но взбудораженного Иосифа уже невозможно было остановить. Размахивая невпопад руками и, срываясь на фальцет, он взволнованно толковал своим полупьяным оппонентам:

– Я вообще не понимаю, что у вас тут происходит, в комнатах далеко не парфюмерные запахи, под ногами горы мусора. Средства общения – вино и водка, какие-то мистические то ли бомбы, то ли фугасы и совсем непонятная жизнь, которую вы называете от «сессии до сессии». А на учёбу, которая является причиной вашего присутствия здесь, вам вообще наплевать.

Словно подтверждая правоту Иосифа, гитарист продолжал петь «что за предрассудки, есть три раза в сутки и ложиться в тёплую кровать! Мы ж без предрассудков, едим один раз в сутки, а на остальное наплевать!».

Рефрен этой песни, подыгрываемый незатейливыми аккордами шестиструнки, раздражал, обычно немногословного, Иосифа до такой степени, что он возмущённо продолжил:

– Приглашаю вас всех на экскурсию в моё общежитие. Посмотрите, как физики живут, как науку штурмуют и как живут не от сессии до сессии, а от Демокрита до Ньютона, от Аристотеля до Эйнштейна и от Архимеда до Ландау.

Неизвестно сколько времени Иосиф продолжал бы свой воспитательный монолог, если бы Рита не положила его руки на свои пухлые красивые колени. Этим завлекающим действием она снова привела своего физика в, готового на подвиги, мужчину. Он тут же забыл про Резерфорда, Герца и Ломоносова, отваживаясь поцеловать при этом свою спутницу в пылающую щеку. Многоопытная Маргарита, воспользовавшись моментом, сумела влить в него ещё одну порцию 40-градусного напитка. Буквально через пять минут её подопечный, забыв обо всех знаменитых физиках и не очень знакомых лириках, уже достиг нужной кондиции.

Не дожидаясь, когда Иосиф снова придёт в состояние дискуссировать с её приятелями, Рита, пропев им итальянское «аривидерчи рома» и, подхватив своего дружка под руку, с быстротой молнии ретировалась из комнаты. С трудом преодолев 30-метровую коридорную дистанцию, нетрезвая пара буквально вломилась в комнату, где жила студентка Полякова.

– Ну вот и пьянь тропическая заявила, – послышался девичий голос со спального места напротив кровати, на которую водрузились Рита и Иосиф.

– Открой окно, – приказал тот же голосок, – а то спиртным несёт, дышать невозможно.

Иосиф хотел было привстать и подойти к окну, но Рита схватила его за ремень брюк и убаюкивающе попросила:

– Да не слушай ты эту рыжую лисичку, от неё только что парень ушёл с точно таким же запашком из уст, которые она жадно целовала.

Мыслительный аппарат Иосифа работал в направлении, что он должен делать с Ритой, чтобы достичь того, чего физик Ландау добивался от своих любовниц. Несмотря на это, в проблесках своих не очень трезвых умозаключений он уразумел, что эротическая атрибутика в этой комнате является константой. Рита, словно догадываясь, что происходит у него в голове, ласково прошептала:

– Осенька! Забудь про всё. На Аньку не обращай внимания, она нам не мешает. Всё идёт по плану.

Но Иосиф не привык к реализации таких, немислимых по его мнению, проектов. Он молча стоял перед, уже оставшейся в коротеньких сиреневых трусиках и такого же цвета бюстгальтере, Ритой. Она, как русалка с распущенными волосами, стремительно спрыгнула с кровати и, присев перед ним, стала расстёгивать ему ремень и снимать брюки. Иосиф, будто в каком-то гипнотическом дурмане, не двигался с места, заморожено вглядываясь в пухлые и упругие бугорки её груди, выбивающиеся из лифчика. Когда он остался в своих, чёрного цвета, трусах, которые почему-то называли семейными, Рита то ли критически, то ли смешливо глянула на, как она считала, готового к употреблению, Иосифа и легонько подтолкнула его к цветастому матрасу, мятая простынь из под которого валялась на полу.

Но студент славного МГУ не был готов к подобному употреблению. Внезапно, совсем не к месту развивающейся матрасной эротике с Ритой, в нетрезвом воображении Иосифа возникла Эльвира. Только обнажённая черноволосая красавица была не в помоечной комнате в общежитии и не на выдавшем парные голые тела пожухлом матрасе. Она просто ненавязчиво выставляла своё, до сумасшествия очаровательное неприкрытое, естество на фоне, залитой солнечным светом, берёзовой рощи. Иосиф, как во сне, всматривался в эти прекрасные очертания, а Эльвира, интригуя улыбаясь, своим маленьким пальчиком манила его к себе.

В это время Рита, уже абсолютно голая, безответно прижималась к размякшему, по сути дела, парализованному Иосифу. Он же, как ей показалось, не хотел предпринимать никаких активных действий, чтобы овладеть добровольно отдающейся ему сибирячкой. Даже тогда, когда Рита, как бы невзначай, коснулась своей нежной рукой его детородного органа, она

не почувствовала, чтобы хотя бы одна мышца его тела напряглась или дрогнула в преддверии наступающего наслаждения. Она резко отстранилась от Иосифа и разочарованно вскрикнула:

– Не думала, что в столичном университете обитают молодые импотенты.

Рыжая Анечка, которая со своей постели наблюдала за этим полуэротическим водевилем, не удержалась и, покатываясь со смеха, тихо, но так, чтобы все слышали, пролепетала:

– Так тебе и надо, подруга. Не будешь в следующий раз кого попало в своя мятую постель завлекать.

...Несмотря на некоторое отклонение от нормы, испытанное при мимолётной встрече с Ритой, жизнь студента физического факультета МГУ Иосифа Перельмана продолжалась. Все экзамены в зимнюю сессию он сдал на отлично и получил даже повышенную стипендию, что отнюдь не было помехой для его скромного бюджета. Серьёзная учебная нагрузка несколько отодвинула его воспоминания о не совсем удачном дне, проведённом в общежитии геодезического института. Однако по ночам его мучали тягостные мысли об этом злополучном времени. Получалось, что де-юре он имел счастье вживую обозреть двух очаровательных обнажённых женщин: Эльвиру и Риту. А де-факто он всё равно оставался девственником, так и не познавших их. К тому же его крепко удручало, что он потерпел фиаско с последней из них как мужчина.

Однако Иосиф был обладателем аналитического склада ума. При детальном разборе своих эротических полётов он пришёл к достаточно разумному выводу, что вряд ли несостоявшаяся эрекция при связи с Ритой давало ей право назвать его импотентом. Иосиф вполне обоснованно полагал, что причиной бездействия его эректильной составляющей являлись два фактора. В какой-то степени повлиял алкоголь, который он никогда не употреблял. Но не это было основным. Главенствующим являлось полное отсутствие чувства любви к Рите. Имело место только сексуальная тяга и физиологическое равнодушие противоположных полов друг другу. Затаёнными извилинами Иосиф отдавал себе отчёт, что есть мужчины, которых называют самцами, кобелями или, на испанский манер, brutальными мачо, для которых слегка приподнятый подол женской юбки действует, как красная тряпка на быка. В то же время он хорошо понимал, что его естество устроено по-другому. Ведь иметь интимную связь с женщиной без проявления ярких чувств к ней, равносильно разовому сексу с проституткой, описанному в романах Мопассана и Золя. В конечном итоге Иосиф заключил личный контракт с самим собой. Это соглашение предполагало, что потеря его мужской девственности будет связана только с безмерным чувством сильной и страстной любви к той девушке, без которой его дальнейшее существование будет просто невозможно.

Из этого персонального компромисса произвольно вытекало, что на уважаемого Льва Ландау он будет стараться походить только как на гениального учёного и талантливого исследователя физических явлений. Но знаменитый физик не станет предметом его поклонений в области покорения женских сердец. Осталось всё продуманное проверить на практике, которая лишь одна является критерием истины.

Глава 8

Третий семестр

Истина не заставила себя долго ждать. Связано это было, как ни странно, с количеством семестров. Для многомиллионного студенчества всей страны в учебном году их было всего два. Однако при коммунистическом строительстве светлого будущего, летнее двухмесячное безделье молодых людей считалось непозволительной роскошью. Поэтому, был придуман третий семестр, который был назван трудовым. Предполагалась, что студенты будут трудиться на ударных комсомольских стройках, намеченных очередным съездом партии. Фактически получалось, что они будут брошены в помощь заключённым, которые трудились там и, вероятно, без их помощи, социализм достроить не могли.

У Иосифа были совсем другие планы на каникулярное время. Первую его часть он хотел посвятить написанию реферата на тему «Квантовые симметрии фундаментальных физических моделей». А вторую – давно запланированной поездке с отцом на базу отдыха под романтическим названием «Рыбалочка». Там намечался масштабный отдых от трудов праведных в полном соответствии с названием этого пансионата на живописном берегу Волги.

Однако, рыбалочке не суждено было состояться из-за объявления в главном корпусе МГУ. Рядом с анонсами о предстоящих защитах диссертаций сотрудников университета висел красочный плакат, в котором был нарисован огромный башенный кран на фоне строительных лесов. Прямо на стреле крана большими буквами было выписано, что студенты первого и второго курсов приглашаются в строительный отряд на ударную стройку, расположенную в Сибири. Иосиф, по простоте душевной, понимал, что слово «приглашаются» означало, что в стройотряд записываются только желающие. Но в нижней части объявления, уже более мелкими буквами, было написано, что долг каждого студента записаться в стройотряд. В скобках указывалось, что к отказникам» будут применены дисциплинарные меры воздействия. Такой метод парткома и комитета комсомола студенты называли добровольно-принудительным. Чего здесь было больше, собственной воли студента или выкручивания рук парткомом, решать было некому.

В действительности, многие студенты горели необузданным желанием поехать на стройку, но отнюдь не для того, чтобы по В. Маяковскому «строить и мечь в сплошной лихорадке буден». Часть из них хотела посмотреть невиданные ранее сибирскую тайгу, массивы синеющих гор и перекаты таёжных рек, забывая при этом, что страсти романтического разглядывания местных пейзажей хватает не более, чем на два-три дня. Позже, уже находясь там, они услышат отрывок из стихотворения одного из побывавших там: «Стройотряд – это жизнь без бантиков, это роба, пропахшая потом, иностранное слово – романтика, здесь по-русски звучит – работа». Сокровенной же целью подавляющего числа, записавшихся в строители, было то, что авторы сатирических фельетонов называли «погоней за длинным рублём». На самом деле, никакой погони не было, была тяжёлая работа, за которую платили очень неплохие, по студенческим понятиям, деньги. Ведь студент получал мизерную стипендию, равную 40 рублям в месяц. В стройотряде же было вполне возможно за два месяца заработать около тысячи рублей. Несложный расчёт показывал, что это ровно в два раза превышало годовую выплату стипендии.

Третий семестр начался на перроне Ярославского вокзала. Несколько сотен студентов должны были заполнить почти весь состав, отправляющийся в далёкое Забайкалье. До Читы предстояло проехать более шести тысяч километров, пересекая при этом с запада на восток большую часть страны. На душе у Иосифа было тревожно. Ещё бы, по сути дела, он впервые отправлялся в такое далёкое путешествие. Полусуточный железнодорожный перегон Казань – Москва в расчёт не принимался по малости времени его прохождения.

Духовой оркестр, золотые искорки труб которого призывно блеснули на солнце, заиграл, волнуя сердце, марш «Прощание славянки». Этот чуть ли не национальный гимн символизировал, как правило, проводы на войну или на военную службу. На этот раз проводжали не на воинские подвиги, а на мирный труд на строительных объектах пятилетки. Солист оркестра проникновенно выводил: «наступает минута прощания, ты глядишь мне тревожно в глаза, и ловлю я родное дыхание, а вдали уже дышит гроза». Иосифу, правда, никто в глаза не вглядывался, да и вместо, предвещаемой в песне, грозы ярко светило нежаркое московское солнце. Однако вместе с непонятным душевным томлением его внезапно окутало чувство радости и ликования от всего происходящего на перроне.

Настроение повысилось ещё на несколько квантов, когда в тяжеловесную дверь купе, где он разместился со своими друзьями по комнате, кто-то несмело постучал. После грозного возгласа Володи Великанова:

– Войдите, если не шутите, – в их поездное жилище со словами:

– Надеюсь я не очень помешаю вашему мужскому коллективу, – даже не вошла, а просто грациозно заплыла, изумительно сложенная, привлекательная блондинка.

Иосифу показалось, что в их слабоосвещённую железнодорожную кибитку внезапно ворвалась светящаяся огненная стихия, сокрушающая своим жаром всё на своём пути. Боковым зрением он успел заметить, как оторопели его друзья Володя и Толик, которые стыдливо отводили свои взгляды в поездное окно.

Между тем неожиданная попутчица хорошо поставленным голосом проворковала:

– Меня зовут Надя Солнцева. Прошу любить, но не жаловать!

– Почему же нет? – чуть заикаясь от волнения спросил Толик, – разве запрещено обожать таких девушек, как вы?

– Жаловать здесь, без сомнения, буду только я, – безапелляционно перебила она Толика.

– По какому такому праву? – возмутился, пришедший в себя, Володя.

– Вот именно, что по праву, – весело рассмеялась Надя, – поскольку я уже перешла на третий курс юридического факультета.

– Но это не даёт вам, – разозлился Володя, – никаких привилегий разговаривать с нами в такой тональности.

– Извините, мальчики, – смиловилась Надя, – давайте жить дружно, ведь нам почти неделю тащиться на этом трамвайчике через всю Русь.

– Вот это другое дело, – согласился Толик, – будем если и не любить, то жаловать друг друга.

– Ребята, вы уж меня простите, – откликнулась Надя, – вы увидите, что, на самом деле, я хорошая девочка.

– Это мы ещё проверим, – оживился Володя, слегка прикоснувшись рукой к тонкой талии Нади.

Она тут же сбросила его могучую ладонь с места, которое считала неприступным, и миролюбиво, но отчеканивая каждый слог, проговорила:

– Всё, мальчики, «финита ля комедия, я ещё раз подчёркиваю, что задатки будущего прокурора во мне всё-таки есть. Есть смесь женской мудрости, хитрости, навык быть сдержанно-терпеливой и умение защитить себя в любой ситуации. Относительно последнего, я думаю вам понятно, что имеется в виду.

После такого грозного речитатива Толик быстро взобрался на верхнюю полку, вооружившись монографией «Физика плазмы». Владимир сосредоточенно, с каким-то небывалым вниманием, заряжал плёнку в свой драгоценный фотоаппарат «Зенит». Только, до сих пор хранивший молчание в не таком уж и важном споре, Иосиф сосредоточенно наблюдал за, мелькающими в вагонном окне, московскими пригородами. Он не очень понимал, что происходило с ним в эти минуты. Ему показалось, что эта будущая судья, прокурорша или адвока-

тесса, словно порыв торнадо, ворвавшегося к ним в купе, просверлила у него в мозгу какое-то отверстие, не дающее ему включить свой мыслительный аппарат. В данный момент умственные аксессуары Иосифа работали даже с большей нагрузкой, чем всегда. Он просто боялся самому себе признаться, что эта, похоже по всем статьям, незаурядная блондинка без всякого разрешения бесцеремонно вторглась во все возможные уголки его подсознания. Иосиф ещё не знал, что это вторжение лирики в отличие от физиков и называют любовью с первого взгляда. Его бранные мысли вновь перебил тоненький голосок Нади:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.